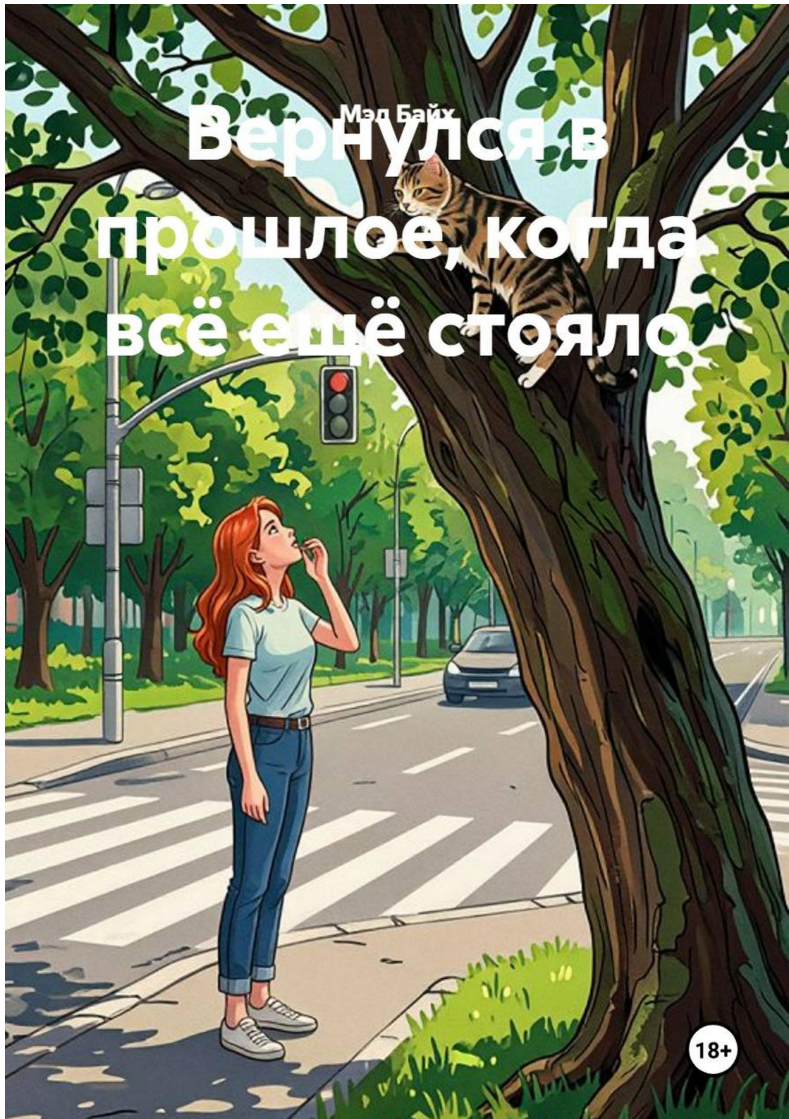


Мэл Байх

Вернулся в прошлое, когда всё ещё стояло



Мэл Байх

Вернулся в прошлое, когда всё ещё стояло

<https://litres.ru/74532837>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я погиб на пешеходном переходе и очнулся в собственном теле восемнадцатилетним — за десять минут до позора, который когда-то сломал мне жизнь. Только теперь я знаю, кто меня подставил, какие ошибки совершил и как всё исправить.

Одногруппница, мечтавшая выставить меня голым перед факультетом, сама угодит в неловкую ситуацию. Рыжая Лиза, ради которой я полез на дерево за чужим котом, краснеет от одного моего взгляда. А соседка по общежитию уже придумала три желания, и расплачиваться придётся не только ремонтом полов.

Но чем дальше, тем жарче: странный незнакомец в парке предлагает тёмную подработку, от которой в прошлой жизни я сбежал. Теперь я не сбегу — и, кажется, зря.

Второй шанс — опасная штука. Особенно когда тебе снова восемнадцать, кровь кипит, а проблем, неловкостей и соблазнов становится только больше.

Успеть бы исправить жизнь раньше, чем она снова меня
собьёт.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	50
Глава 5	61
Глава 6	78
Глава 7	95
Глава 8	112
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Мэл Байх

Вернулся в прошлое, когда всё ещё стояло

Глава 1

Все события и персонажи данного произведения являются вымышленными. Все герои достигли возраста восемнадцати лет к моменту описываемых событий.

Виктор Нестеров вышел из офиса в начале девятого, когда небо уже сняло синюю рубашку и натянуло серую, и сразу пожалел, что не взял такси до метро. Ноги гудели. В спине между лопаток сидела тупая игла, которая появлялась ровно к концу каждого рабочего дня и не проходила до утра.

Он шёл по проспекту мимо подсвеченных витрин, и в стекле напротив него шагал незнакомый мужчина лет сорока — с залысынами, мешками под глазами и сумкой через плечо, набитой чужими отчётами. Виктор узнал его не сразу. Потом остановился, и мужчина в стекле тоже остановился, глядя на него с той же усталой безразличностью.

— Дожил, — сказал Виктор вслух.

Прохожий с собакой покосился и ускорил шаг.

Он закурил, привалившись плечом к рекламному щиту, и в который раз спросил себя, в какой момент всё пошло не так. Вопрос был старый, заезженный, как кнопка лифта на его этаже, и ответов на него у Виктора всегда находилось больше, чем надо. Но сегодня он решил дойти до конца — не просто перебрать обиды, а выстроить их по порядку, как бухгалтер выстраивает цифры.

Первая стояла на первом курсе.

Люда Соколова. Он помнил даже духи — сладкие, с нотами жвачки из автомата, — и то, как она накручивала прядь волос на палец, когда просила его о чём-нибудь. В тот день она попросила о малом: прийти в аудиторию триста двенадцать после пар, раздеться и ждать её. Она сказала это шёпотом, глядя ему в глаза, и добавила, что давно хотела остаться с ним наедине. Виктору тогда было восемнадцать, и мысль о том, что Люда Соколова хочет остаться с ним наедине, вышибла из него весь здравый смысл, как пробку из бутылки.

Он пришёл. Разделся. Сложил одежду на первую парту — аккуратно, по-дурацки аккуратно, джинсы к джинсам, футболку наверх. Сел на преподавательский стол и стал ждать, обхватив колени.

Ждал он недолго. Дверь распахнулась, и в аудиторию вошла вся группа вместе с преподавателем — пара поставили в расписание в последний момент. Виктор потом узнал, что Люда сама попросила перенести семинар, сказав старосте,

что «так удобнее всем».

Он просидел на том столе ещё секунд десять, глядя на тридцать смеющихся лиц. Кто-то свистнул. Кто-то достал телефон. Люда стояла в дверях, прижав ладонь ко рту, и в глазах у неё было такое искреннее сочувствие, что Виктор, будь он чуть глупее, поверил бы и в него.

Потом он одевался под общий хохот, и каждая пуговица давалась ему, как экзамен.

С тех пор прошло двадцать с лишним лет, а он до сих пор помнил холод линолеума под босыми ступнями и то, как предательски дрожали пальцы, когда он застёгивал ширинку.

Виктор докурил, растёр окурок о подошву и пошёл дальше. За первой обидой потянулись другие, помельче: работа, на которую он устроился по знакомству и с которой так и не смог уйти; ипотека, съевшая все отпуска; жена, которая ушла три года назад, забрав кота и половину друзей. Он перебирал их, как чётки, и с каждым шагом ему становилось яснее: не было одного поворота. Была целая дорога, и он прошёл её, глядя под ноги.

На переходе загорелся зелёный. Виктор шагнул на зебру. Свет фар он увидел краем глаза — белый, слепящий, растущий слишком быстро. Автомобиль вылетел из-за поворота, не сбавляя хода. Виктор успел подумать, что водитель, наверное, смотрит в телефон, и что ирония вышла бы отличная — сбить человека, который только что понял, зачем во-

обще жил.

Потом был удар. Короткий, как выключатель.

И тишина.

Он очнулся от того, что кто-то тряс его за плечо.

— Нестеров, ты оглох? Пара через десять минут, а ты спишь, как сурок.

Виктор открыл глаза и увидел низкий потолок, окно с пыльными шторами и длинный ряд парт. Пахло мелом, дешёвым кофе и ещё чем-то — сладким, с нотками жвачки из автомата.

Он сел. Руки были чужие — молодые, без вздутых вен и старческого пигмента. Он поднёс ладонь к лицу и увидел гладкую кожу, которую не брил с утра, потому что бриться ещё было нечем.

— Ты чего? — парень напротив, с вихрастой чёлкой и прыщом на подбородке, смотрел на него с опаской. — Приснилось что-то?

Виктор узнал его. Димка Горелов, сосед по общежитию, который на втором курсе уедет в армию и больше не вернётся.

Он перевёл взгляд на доску. На ней мелом было написано: «История экономики, 3-я пара, ауд. 312».

И тут до него дошло.

Аудитория триста двенадцать. Тот самый день.

Он медленно обернулся и посмотрел на задние парты. Там, накручивая прядь волос на палец, сидела Люда Соко-

лова — восемнадцатилетняя, с теми самыми духами и той самой улыбкой, с которой она вечером попросит его прийти, раздеться и ждать.

Виктор улыбнулся ей в ответ — впервые за двадцать лет искренне.

— Приснилось, — сказал он. — Кошмар. Но теперь я проснулся.

Люда заметила его взгляд и чуть наклонила голову — так кошка смотрит на мышь, которая вдруг перестала бояться. Виктор поднялся с места и пошёл к ней через ряд. Одногогруппники переговаривались, шуршали тетрадями, кто-то дожевывал булку — до пары оставалось минут десять, и никто не обращал на него внимания.

Он присел на край парты рядом с ней, слишком близко, так, что её колено упёрлось ему в бедро.

— Привет, — сказала Люда, убирая прядь за ухо. — Ты чего такой... странный?

— Знаешь, что я понял, Соколова? — Виктор говорил тихо, глядя ей в глаза. — Я сегодня проснулся и вдруг понял, зачем ты весь день ко мне подходишь.

Она улыбнулась — мягко, почти застенчиво. Та самая улыбка, на которую он купился тогда, двадцать лет назад, и из-за которой просидел голым на преподавательском столе перед всей группой.

— И зачем же? — спросила она, поигрывая ручкой.

— Ты хочешь остаться со мной наедине. — Он наклонил-

ся ниже и почти коснулся губами её уха. — Прямо сейчас.

Люда чуть отстранилась, но не убрала колено.

— Нестеров, ты с дуба рухнул? Пара сейчас начнётся.

— До пары десять минут. Мы успеем.

Она засмеялась — негромко, но в смехе дрогнуло любопытство. Виктор помнил этот смех. Тогда, в прошлой жизни, он принял его за смущение. Теперь он слышал в нём азарт: она уже прикидывала, как выставить его дураком.

— И что ты предлагаешь? — спросила Люда, прищурившись.

— Пойдём за шкаф. В углу, за последним рядом. Там нас никто не увидит, если не будут искать специально.

Она посмотрела на него так, словно он предложил спрыгнуть с крыши, и улыбнулась шире.

— А ты, оказывается, смелый.

— Я просто перестал ждать, — сказал Виктор и взял её за руку.

Он почти не сомневался, что она пойдёт. Люда из прошлой жизни была из тех девушек, которым важно не само событие, а то, чтобы их уговаривали. И Виктор, которому снова было восемнадцать и у которого снова не дрожали руки, вёл её между рядами к дальнему углу, где стоял высокий книжный шкаф, а за ним — узкий простенок с батареей и запасной стопкой парт.

Там было тесно и пахло пылью. Свет из окна падал сюда только полосой, разрезавшей пол наискосок.

— Ну и что дальше, смелый? — Люда прислонилась спиной к шкафу и посмотрела на него снизу вверх.

Виктор не стал отвечать. Он шагнул к ней, взял за подбородок и поцеловал — так, как не умел целовать в восемнадцать: неторопливо, с расстановкой, зная, куда положить вторую руку. Ладонь легла ей на талию, под тонкую блузку, на голую кожу.

Люда вздрогнула, но не отстранилась. Наоборот — подалась вперёд, приоткрыв рот. Пальцы её вцепились ему в плечо.

— Вот это ты зря, — прошептала она ему в губы. — Я всё расскажу.

— Кому? — Виктор провёл языком по её нижней губе. — Группе, которая сюда через пять минут зайдёт?

Она тихо засмеялась, но смех оборвался, когда его рука скользнула выше, к её груди, и накрыла её прямо через блузку. Ткань была тонкая, почти невесомая, и под ладонью твёрдо проступил сосок.

— Пусти, — выдохнула она без всякой силы в голосе.

Вместо ответа Виктор расстегнул верхние пуговицы блузки — одну, вторую, третью. Люда перехватила его запястье, но пальцы её не сжались, а только легли сверху.

— Ты сумасшедший, — прошептала она, запрокидывая голову.

Он стянул блузку с её плеч, спустил лямки лифчика. Грудь у неё была небольшая, с розовыми сосками, которые сра-

зу напряглись на прохладном воздухе. Виктор наклонился и взял один сосок губами, обвёл языком, втянул. Люда вскрикнула тихо, сквозь сжатые зубы, и сама потянула его голову ниже.

Рука её шарила по его ширинке — уже неуверенно, но настойчиво, как у человека, который не привык ждать. Он поймал её ладонь и прижал к себе, чтобы она почувствовала, как он стоит. Люда всхлипнула и раздвинула ноги, насколько позволяла юбка.

Виктор задрал её юбку до бёдер, отодвинул в сторону мокрую ткань трусиков и провёл пальцем вдоль — медленно, от входа к клитору. Она дёрнулась, закусив губу.

— Скажи, чего ты хочешь, — прошептал он ей в ухо.

— Тебя, — выдохнула Люда, и в голосе её не осталось ни насмешки, ни плана. Только жадность.

Он расстегнул джинсы, спустил их с бёдер и прижал её к шкафу. Люда обхватила его ногами. Когда он вошёл, она застонала ему в шею, и шкаф качнулся, стукнувшись о стену.

— Тише, — выдохнул Виктор, хотя сам уже не мог думать о тишине. Восемнадцатилетнее тело отзывалось так, как не отзывалось уже двадцать лет, — остро, нетерпеливо, всем разом. Он двигался резко, и Люда подмахивала ему навстречу, царапая ногтями затылок.

— Ещё, — шептала она. — Ещё, пожалуйста...

Она кончила, зажав рот ладонью, и в этот момент дверь аудитории распахнулась.

Виктор услышал, как в помещение вваливается группа — с гомоном, смехом, звуком отодвигаемых стульев. Люда замерла под ним с расширенными глазами, всё ещё сжимая его бёдра ногами.

— Соколова? — раздался голос старосты. — А где Нестеров? И где вообще все?

Шкаф качнулся снова — Виктор качнул его нарочно.

Люда посмотрела на него с ужасом и только сейчас, кажется, поняла, что происходит.

— Что ты делаешь? — прошептала она, пытаясь высвободиться.

Виктор прижал её плотнее и улыбнулся — той самой улыбкой, которую двадцать лет видел в своих кошмарах.

— Возвращаю долг, — сказал он.

И, не дав ей ответить, шагнул в сторону, сдёрнув с Люды задранную до груди юбку и оставив её стоять в простенке — с голой грудью, задранной юбкой и спущенными до щиколоток трусиками. Блузка висела на одной руке.

Шкаф пошатнулся и сдвинулся, открывая её всей аудитории.

Тридцать голов повернулись одновременно, и аудитория на секунду затихла так, что стало слышно, как на улице ветер трёт ветку о подоконник.

Люда стояла у шкафа с голой грудью, в задранной до живота юбке. Трусики сползли до щиколоток и стягивали ноги, как путы. Одной рукой она прижимала к себе блузку, дру-

гой попыталась одёрнуть юбку, но только запуталась в лямке лифчика, спущенной с плеча.

Первым засмеялся Горелов — коротко, как будто кашлянул. За ним сорвался второй ряд. Через пару секунд аудитория грохотала.

— Соколова, ты что, решила до пары проветриться? — крикнул кто-то с задних парт.

Люда вскинула подбородок. Виктор узнал это выражение — она всегда так делала, когда её загоняли в угол: сначала в лице вспыхивала растерянность, а потом, почти сразу, злость. Но сейчас растерянность не проходила.

— Нестеров! — выкрикнула она, и голос её сорвался. — Это он! Это всё он подстроил!

Она ткнула пальцем в его сторону, и от резкого движения блузка, которую она прижимала к груди, съехала, открыв сосок. Кто-то присвистнул.

— Что я подстроил? — спросил Виктор громко, так, чтобы слышали все. Он уже успел застегнуть джинсы и теперь стоял у окна, засунув руки в карманы, — спокойный, почти скучающий. — Я просто спросил, почему ты весь день ко мне липнешь. А ты меня за шкаф потащила.

Люда открыла рот и закрыла.

— Врёт, — выдохнула она. — Он сам меня позвал.

— Ну да, — Виктор пожал плечами. — Поэтому ты сейчас голая, а я одетый.

Аудитория снова грохнула. Люда наконец натянула труси-

ки, одёрнула юбку и, прикрываясь блузкой, как полотенцем, рванулась к двери.

— Стой, Соколова! — окликнул её староста, здоровяк с блокнотом. — Пара сейчас начнётся. Куда ты?

— Отвали! — бросила она, не оборачиваясь.

— Я тебя не отпускал.

— А ты кто такой, чтобы меня отпустить?

Она всё-таки выскочила в коридор, и дверь хлопнула за ней с таким звоном, что задребезжало стекло. В аудитории ещё секунду стоял гул — перешёптывания, смешки, кто-то уже пересылал друг другу фото, снятое с задней парты.

Виктор подошёл к своему месту и сел. Горелов хлопнул его по плечу.

— Ну ты даёшь, Нестеров. А я думал, ты у нас тихоня.

— Я исправляюсь, — сказал Виктор.

Он откинулся на спинку стула и впервые за двадцать лет — нет, впервые за всю жизнь, включая и ту, первую, — почувствовал, как внутри разжимается что-то, затянутое давно и намертво. Не радость даже. Скорее, отпустившая пружина.

Гул за спиной стихал. В дверях уже стоял преподаватель, раскладывая на кафедре бумаги. Пахло мелом, дешёвым кофе и — всё ещё — сладкими духами с нотками жвачки.

Виктор усмехнулся.

Одна обида закрыта. Остальные — впереди. И у него теперь было на них всё время мира.

Глава 2

Виктор шёл в общежитие через старый парк, и даже усталость после пары была приятной — как ломота в мышцах после долгожданной драки. Он дважды ловил на себе взгляды, отворачивался, снова ловил. Университет гудел: за полдня история с Соколовой обросла такими подробностями, что Виктор уже слышал версию, где он в одиночку поднял шкаф и перенёс его через аудиторию.

— Нестеров! — окликнули его от соседнего корпуса. — Легенда!

Он махнул рукой, не оборачиваясь.

В парке пахло мокрой землёй и прелой листвой. Солнце висело низко, красило верхушки лип в медь. Виктор сунул руки в карманы джинсов и впервые за долгое время подумал, что идти домой — это нормально. Что дом — это не точка, в которой заканчивается день, а место, куда можно возвращаться с лёгкой головой.

Потом он увидел кошку.

Она сидела на верхней ветке старого тополя, метрах в пяти над землёй, и орала так, будто её режут. Под деревом стояла девушка.

Она была рыжая. По-настоящему рыжая — не крашеная, а та самая, со всполохами, какие бывают у осеннего леса, если смотреть на него против солнца. Волосы схвачены в

хвост, но несколько прядей выбились и липли к вискам. На носу и щеках — веснушки, густые, как рассыпанное просо. Под простым ситцевым платьем угадывалась небольшая грудь, а когда она приподнялась на цыпочки, задирая руки к ветке, подол подтянулся и открыл крепкие ляжки и такую задницу, что Виктор сбился с шага.

— Ке-за! — позвала девушка, и голос у неё был тонкий, взволнованный. — Ке-за, слезай, ну пожалуйста!

Кошка ответила ей тем же воем, полным вселенской обиды.

— Помочь? — спросил Виктор, подходя.

Девушка обернулась, и он увидел её лицо целиком. Глаза серо-зелёные, испуганные. Губы чуть припухшие, нижняя закусена. Она посмотрела на него так, словно он спустился с дерева, а не подошёл по тропинке.

— Ой. Да... да, пожалуйста. Она сама залезла, я не успела её снять, а теперь вот сидит и боится.

Виктор посмотрел вверх. Кошка — серая, полосатая, с белым «галстуком» на груди — вцепилась в ветку и глядела вниз с презрением.

— Сниму, — сказал он и улыбнулся.

— Правда? Спасибо! Вы не представляете, как я вам благодарна!

— Лиза, — поправил он мягко, не зная почему. Нет, не так. — Я Виктор. А вы?

— Лиза, — ответила она и вдруг засмеялась, смущённо,

прижав ладонь к щеке. — Я не представилась, да? Я от страха вся...

— Ничего. Подержите платье, чтобы ветром не сдуло.

Она снова засмеялась, уже свободнее, и Виктор полез.

Первый метр дался легко. Он ухватился за нижнюю ветку, подтянулся, поставил ногу в развилку. В восемнадцатилетнем теле сила была незнакомая — он чувствовал её, как чужую, одолженную, и она приятно гудела в руках.

А потом он глянул вниз.

И нутро его сделало то, что делало всегда, сколько он себя помнил: сжалось в тугой комок и упало в пятки. Высота. Пять метров, а казалось — двадцать. Ветка под ногой ходила ходуном. Виктор вцепился в ствол, чувствуя, как немеют пальцы.

— Что с вами? — донеслось снизу.

Он посмотрел на Лизу. Она стояла под деревом, запрокинув голову, и солнце падало ей на лицо, делая веснушки совсем золотыми. В глазах у неё был такой искренний испуг за него, что Виктору стало стыдно.

— Всё хорошо, — сказал он, хотя горло перехватило. — Просто прикидываю маршрут.

Он заставил себя отвести взгляд от земли и смотреть только вверх, на кошку. Ветка за веткой. Руки, ноги. Не думать о том, что внизу.

— Осторожнее, там сук треснутый! — крикнула Лиза.

— Я вижу.

Он не видел. Он вообще почти ничего не видел, кроме серой спины кошки, к которой подбирался всё ближе. Страх не уходил, но Виктор обнаружил, что можно двигаться сквозь него — как сквозь воду. Медленно, с усилием, но вперёд.

— Кеза, — позвал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.
— Иди сюда, дура.

Кошка развернулась и посмотрела на него.

— Кс-кс-кс, — сказал Виктор.

И тогда кошка прыгнула. Не к нему, а мимо — Виктор успел только дёрнуться, и по лицу, от скулы до подбородка, прошла острая полоса боли. Когти. Он зашипел, качнулся, и ветка под ногой предательски спружинила. На секунду небо и земля поменялись местами.

— Виктор!

Он вцепился в ствол обеими руками, ободрав ладони о кору. Кошка уже была внизу — он услышал, как Лиза ахнула и бросилась за ней.

— Стойте! — крикнул Виктор, но не ей.

Он смотрел на кошку, которая, задрав хвост трубой, деловито пересекала тропинку. И увидел то, что увидел.

Под хвостом, между задними лапами, покачивались два круглых, налитых, совершенно недвусмысленных шарика.

— Это кот, — сказал Виктор вслух.

— Что? — Лиза остановилась.

— Ваша Кеза... это кот.

Кошка — то есть кот — скрылся в кустах, напоследок

взмахнув хвостом. Лиза проводила его взглядом, потом перевела глаза на Виктора, который всё ещё сидел на дереве, и лицо её стало медленно заливаться краской.

— Ой, — выдохнула она.

— Вы поранились, — сказала Лиза, глядя на его лицо, и шагнула ближе, прижав руки к груди. — Из-за меня. Из-за этого... из-за кота.

Виктор спустился, чувствуя, как дрожат колени — но уже от пережитого, а не от страха. Провёл ладонью по щеке. Пальцы окрасились красным.

— Царапины ерундовые, — сказал он.

— Нет, что вы! Когти грязные, нужно обязательно обработать. У меня аптечка дома, я рядом живу. Пойдёмте, я быстро.

Она говорила сбивчиво, смотрела на него то в глаза, то на царапины, и всё пыталась пригладить выбившиеся пряди, как будто они были в чём-то виноваты.

— Лиза, — Виктор улыбнулся. — Пойдёмте. Если вам так спокойнее.

Она просияла — как будто он её простил за что-то, чего она не совершала.

Дом действительно оказался рядом — пять минут через парк и через двор, мимо детской площадки с покосившейся каруселью. Уже по подъезду Виктор понял, что «живу рядом» — это не вся правда: консьерж в вестибюле, зеркальный лифт, чистая плитка. Пахло не кошками и супом, а чем-

то нейтральным, дорогим.

Квартира подтвердила догадку. Высокие потолки, светлый паркет, диван кремовой кожи, на журнальном столике — стопка альбомов по искусству. Окна в пол. На кухне поблёскивал кофейный аппарат, из тех, что стоят как половина зарплаты.

— Проходите, — Лиза сбросила балетки и, не глядя, зачихнула их носком под тумбу. — Я сейчас.

Она скрылась в ванной, вернулась с белой коробкой с красным крестом и усадила Виктора на диван. Села рядом, слишком близко. Он снова уловил её запах — тёплый, сладковатый, с лёгкой горчинкой, как липовый чай.

— Наклонитесь, — попросила она.

Он наклонился. Лиза смочила ватный диск перекисью и в процессе шептала приятные слова.

— Тише-тише, — пробормотала она, как маленькому. — Сейчас пройдёт.

Её пальцы были прохладные и лёгкие. Она работала аккуратно, чуть высунув кончик языка, и Виктор ловил себя на том, что смотрит не на стену, а на её губы.

— Вы давно живёте здесь? — спросил он.

— С родителями. Вернее, они в основном в отъездах. А я тут одна, с кош... с котом. Ну, который оказался котом. И, судя по всему, не моим.

Она смутилась ещё сильнее, и ватный диск дрогнул у него на щеке.

— Вы так уверены, что он не ваш?

— Кеза девочка. А у этого... — Лиза запнулась и покраснела до ушей. — Ну вы же видели.

— Видел, — кивнул Виктор. — Дважды.

Она прыснула, и напряжение разбилось. Лиза откинулась на спинку дивана, прикрыв лицо ладонью. Она недавно отметила совершеннолетие и выглядела прекрасно.

— Господи, как стыдно. Я полпарка переполошила из-за чужого кота.

— Зато я завёл знакомство.

Она опустила ладонь и посмотрела на него — уже не испуганно, а оценивающе, как смотрят на человека, который неожиданно оказался остроумнее, чем казался.

— А вы умеете утешать, Виктор.

— Стараюсь.

Она потянулась к нему, чтобы приложить последний пластырь, и потеряла равновесие. Наверное, подвернулась нога, или край плед соскользнул — Виктор не понял. В следующую секунду Лиза с коротким вскриком повалилась на него.

Он поймал её рефлекторно, и она оказалась у него на коленях — боком, одна рука у него на груди, вторая за головой, на спинке дивана. Её волосы упали ему на лицо, и он вдохнул её запах целиком, с самого близкого расстояния: тёплый, одуряющий, пробирающийся под кожу, как жар.

На одно бесконечное мгновение оба замерли.

Виктор почувствовал, как по телу идёт ток — быстрый,

острый, тот самый, от которого некуда деться. Кровь прилила к паху одним рывком. И Лиза, сидевшая на его бёдрах, вздрогнула — потому что прямо под собой, через тонкую ткань платья и его джинсов, ощутила, как в неё упирается твёрдый, налитой член.

Она дёрнулась, как от удара.

— Простите! — выдохнула Лиза, вскочив с его колен. Платье задралось, открыв смуглые бёдра, и она судорожно одёрнула подол. Лицо её горело. — Я... я не хотела.

— Лиза, всё в порядке, — начал Виктор, но она уже отступила к окну, прижимая к груди коробку с аптечкой, как щит.

— Всё обработано, — заговорила она слишком быстро, глядя в пол. — Пластырь держится, завтра можно снять. Вам, наверное, уже пора, я не хочу вас задерживать.

— Вы меня не задерживаете.

— Нет-нет, правда, уже поздно. Спасибо вам за кота. То есть за то, что полезли.

Она уже шла к двери, и спорить было бессмысленно. Виктор поднялся, одёрнул футболку, надеясь, что джинсы не выдают его слишком явно. Они выдавали, но он сделал вид, что нет.

Уже в дверях Лиза вдруг подняла на него глаза — серо-зелёные, смущённые, но с той же затаённой искрой.

— Вы не подумайте, — сказала она тихо. — Я не всегда такая неловкая. Просто сегодня...

— Просто сегодня вы спасали чужого кота, — подсказал

он.

Она улыбнулась — быстро, почти виновато, — и закрыла дверь.

Виктор постоял в подъезде, переводя дыхание. Голова шла кругом. От запаха, от её бёдер под платьем, от того, как она вздрогнула, почувствовав его. Что-то внутри натянулось и не желало отпустить.

До общаги он дошёл в полусне, прокручивая в голове её лицо.

Дверь комнаты поддалась с третьего толчка. Внутри пахло жареным беконом и кошачьей шерстью.

— О, Нестеров! — Димка Горелов сидел на полу посреди комнаты, скрестив ноги, и кормил из банки тушёнки серую полосатую кошку. Та урчала, как трактор, и с таким усердием вгрызалась в мясо, что уши ходили ходуном. — Глянь, кого притащил. У подъезда ошивалась, тощая как смерть. Я её решил откормить. Классная, да?

Виктор замер в дверях.

Кошка подняла голову, облизнулась и посмотрела на него. Белый «галстук» на груди. Полосатая рыжая спина. Тот самый наглый взгляд.

— Кеца? — произнёс Виктор.

Кошка зевнула и вернулась к тушёнке.

Он подошёл, присел на корточки и, не обращая внимания на недоумённый взгляд Димки, аккуратно приподнял кошке хвост.

Под хвостом не было ничего. Совершенно. Только чистая, ухоженная, вполне кошачья попа.

— Ты чего делаешь? — опешил Горелов. — Извращенец?

— Проверяю, — сказал Виктор и отпустил хвост.

Кошка возмущённо мявкнула. А Виктор, глядя на неё, медленно, сам не веря, улыбнулся.

— Это кошка, — сказал он. — Точно кошка.

— Ну я тебе про то и толкую, — фыркнул Димка. — Кошка. Кеза, говоришь? Имя-то какое. Откуда знаешь?

Виктор откинулся на кровать и уставился в потолок, на котором горела одинокая лампа без абажура.

— Оттуда, — ответил он.

Глава 3

Вечером Виктор лежал на кровати и смотрел в потолок, на лампу без абажура, вокруг которой лениво кружила ночная муха. В комнате пахло тушёнкой и кошкой. Кошка спала у него в ногах, свернувшись в тёплый полосатый клубок, и мерно, едва слышно мурчала.

Он не взял у Лизы номер телефона.

Это дошло до него не сразу, а как доходит всё по-настоящему дурацкое: уже после того, как он сто раз прокрутил в голове её лицо, её запах и то, как она вздрогнула, ощутив его через джинсы. Осознание ударило под дых.

— Ты идиот, Нестеров, — сказал он вслух.

Кошка приоткрыла один глаз, посмотрела с осуждением и снова зажмурилась.

Виктор перевернулся на бок, подпёр голову рукой. Адреса он, положим, знал — сам доходил с ней до подъезда. Дом, этаж, дверь: память цепко держала дорогу, как держат всё, что связано с сильным впечатлением. Можно прийти просто так, но «просто так» — это ввалиться к девушке без предупреждения, как маньяк. Нужен повод. И повод у него был, спал в ногах и мерно мурчал.

Кеза.

Он глянул на кошку и усмехнулся. Вот же судьба: сначала он полез на дерево из-за чужого кота, а настоящая Кеза в это

время тощиала под общагой и шла на запах Димкиной тушёнки. Если завтра отнести её Лизе — это не «просто так». Это честный обмен: он возвращает ей кошку, она, глядишь, снова смотрит на него теми серо-зелёными глазами, и на этот раз он хотя бы не забудет спросить номер.

Оставалась одна мелочь. Кошку нужно в чём-то нести. С рук она удерёт при первом же автомобильном гудке, а тащить под мышкой — верный способ остаться без глаз. Нужна переноска. Виктор прикинул, у кого в общаге могла заваляться такая штука, и понял, что не знает. У Димки не было точно — тот вообще всё таскал в спортивной сумке, вместе с грязными носками.

Он заложил руки за голову и прикрыл глаза. Завтра. Всё завтра: пары, переноска, Лиза. А ещё — парк.

Воспоминание поднялось само, без спроса, как вода в колоде.

Прошлая жизнь. Тот же самый вечер, только год назад — нет, в прошлом теле, на той же линии времени. Вечер после позора. Он сидел на скамейке в парке у университета, сгорбившись, и смотрел на чёрную воду пруда. Внутри было пусто и горячо, как после драки, которую ты проиграл на глазах у всех. Стыд был такой густой, что его, казалось, можно было резать ножом.

Тогда и подошёл тот человек.

Виктор до сих пор помнил его походку — вальяжную, пружинистую, как у человека, который никуда не торопит-

ся, потому что всё уже решено за него. Спортивные штаны с тремя полосками, футболка на размер больше, кепка низко на лоб. Обычный мужик с района, которых тысячи, но было в нём что-то цепкое — то, как он сел на скамейку, не спрашивая разрешения, но и не нагло, а по-хозяйски.

— Чего такой кислый, студент? — спросил он тогда.

Виктор сначала не хотел говорить. А потом — зачем-то выложил всё. Про Соколову, про аудиторию, про то, как стоял голый и не знал, куда деть руки, а группа ржала. Незнакомец выслушал молча, покрутил в пальцах незажжённую сигарету и посмотрел на него странно — не с жалостью, не с насмешкой, а оценивающе, как смотрят на товар.

— Ну, с такой историей тебе не в парке сидеть, — сказал он. — Деньги-то нужны?

Виктору нужны были деньги. Ещё как. Он тогда перебивался стипендией и мелкими подработками, а после позора хотелось провалиться сквозь землю вместе со своей нищетой. Но что-то в лице незнакомца — может, то, как он произнёс «подработка», растянув слово, будто пробовал на вкус, — заставило его отказаться.

Он соврал, что уже нашёл место. Незнакомец хмыкнул, сунул сигарету за ухо и поднялся.

— Ну, бывай, студент. Жизнь длинная, ещё свидимся.

И ушёл. А Виктор потом месяцами гадал, что это было за место и сколько он тогда потерял.

Теперь он лежал в том же теле, но на год раньше, и у него

была целая вечность впереди, чтобы узнать ответ.

«Завтра. Парк, та же скамейка, то же время. И посмотрим, кто ты такой на самом деле».

Он уснул с этой мыслью, а кошка переползла ему на грудь и устроилась там, как на троне, свесив лапы по обе стороны.

Утро началось с того, что кошка встала Виктору на лицо.

Он продрал глаза, отплёвываясь от шерсти, и первым, что увидел, был полосатый хвост, торчащий вертикально, как антенна. Кеца сидела у него на груди и требовательно смотрела на дверь.

— Кормилец нужен, — пробормотал Виктор и ссадил её на пол. — А я так, мебель.

Димка ещё дрых, накрывшись с головой, и на все кошачьи вопли реагировал только ворочаньем. Пришлось вставать самому. Виктор плеснул кошке тушёнки, с тоской глянул на недоеденную и подумал, что хорошо бы завести в холодильник хоть что-то, кроме Димкиных запасов. Деньги после вчерашнего не прибавились, но он впервые за долгое время не ощущал их отсутствия как приговор. Всё ещё будет. Он знал это так же ясно, как то, что через час его ждёт пара по матанализу, на которой он проспит ровно половину, потому что уже знает её наизусть из прошлой жизни.

Он успел умыться, побриться на скорую руку и даже поймал себя на том, что разглядывает в зеркале своё восемнадцатилетнее лицо. Гладкое, без щетины, с тонкой царапиной на скуле — след кошачьих когтей. Царапина уже подсохла,

но оставалась заметной, как зарубка на память.

На пары он почти опоздал. Вбежал в корпус за две минуты до звонка, лавируя между первокурсниками, и на повороте к лестнице чуть не снёс кого-то с ног.

— Ой!

Лиза отшатнулась, прижав к груди папку, и Виктор замер. На ней была лёгкая блузка, джинсы, а волосы — те самые рыжие — сегодня распущены и падают на плечи. Веснушки на солнце, льющемся из окна, горели.

— Виктор? — она узнала его, и лицо её сделало сложный переход: радость, смущение, снова радость. — Ты... вы здесь учитесь?

— Виктор, — поправил он мягко, не зная почему. Нет, не так. — Я здесь учусь. А ты?

Она рассмеялась — легко, но щёки всё же порозовели.

— Я на инязе. Третий этаж. А ты?

— Матфак, второй.

— Надо же. Ходим по одному корпусу и не встречались.

— Вчера встретились.

Лиза опустила глаза, и улыбка у неё стала тише.

— Да. Вчера. Я хотела ещё раз извиниться за ту неловкость, я вела себя глупо.

— Ты вела себя как человек, на которого упал незнакомец, — сказал Виктор. — Это я должен извиняться.

— Нет, что ты! — она подняла ладонь, будто защищаясь. — Всё в порядке, правда. Просто я... в общем, неважно.

Он видел, как она мнёт край папки, и решил не давить. Вместо этого сказал:

— У меня есть для тебя сюрприз. Но он будет готов только к вечеру.

Лиза удивлённо подняла брови.

— Сюрприз? Мне?

— Тебе. Давай встретимся в восемь? У тебя.

Она заколебалась — на секунду, но Виктор уловил этот миг: взгляд в сторону, быстрый вдох, как перед прыжком. Потом кивнула.

— В восемь. Хорошо. Ты помнишь адрес?

— Помню.

— Тогда до вечера. — Она улыбнулась и вдруг добавила тише: — Я буду ждать.

И ушла вверх по лестнице, а Виктор ещё несколько секунд смотрел ей вслед, на то, как джинсы обтягивают бёдра, как рыжие волосы плавно развиваются из стороны в сторону. Потом спохватился и рванул в аудиторию, влетев за секунду до звонка.

Пара прошла быстро. Он не спал, как обещал себе, а сидел и вполуха слушал, рисуя на полях тетради кошачий хвост с подписью «Кеза». Сосед по парте косился, но молчал.

На второй паре он заметил, что Люды нет. Соколова сидела позади него ещё вчера, метала ненавидящие взгляды, а сегодня её место пустовало. Виктор не сразу решился спросить.

— А где Соколова? — бросил он негромко в перерыве, обращаясь к одноклассникам.

Те переглянулись, и один, пухлый второкурсник с вечно красными ушами, ответил:

— Заболела, говорят. Но это так, официально. А по-нормальному — сидит дома после вчерашнего.

— После юбки? — уточнил Виктор.

— Ну да. Ей же весь факультет теперь в спину ржёт. Думаешь, просто так не пришла? Она ж гордая, как сто чертей.

Виктор кивнул и больше не спрашивал. Внутри не было ни злорадства, ни жалости — только спокойное, почти холодное удовлетворение. Она получила ровно то, что готовила ему. Ровно. Ни больше, ни меньше.

После пар он вышел из корпуса и остановился, подставив лицо солнцу. До вечера было далеко. Время — та самая валюта, которой у него впервые оказалось в избытке.

Парк встретил его тишиной и запахом нагретой хвои. Та самая скамейка у пруда пустовала. Виктор сел, откинулся на спинку и вытянул ноги. Сердце билось чуть быстрее обычного, но он заставил себя дышать ровно.

Он не знал, придёт ли тот человек. В прошлой жизни они встретились случайно, в один конкретный вечер, после конкретного позора. Теперь позора не случилось, и вся причинно-следственная цепочка могла рассыпаться. Но что-то подсказывало ему: такие люди ходят по своим маршрутам независимо от того, что происходит в жизни какого-то студента.

Если незнакомец здесь бывает — он придёт.

Виктор просидел около получаса. Потом услышал шаги.

Они были мягкие, пружинистые, неспешные. Он узнал их раньше, чем поднял голову.

Незнакомец вышел на аллею из-за старых лип и направился прямо к скамейке. Спортивные штаны с полосками. Футболка на размер больше. Кепка, надвинутая низко, козырёк отбрасывал тень на верхнюю половину лица.

Он сел рядом, не спрашивая, и какое-то время молча смотрел на пруд.

— Красиво тут, — сказал он наконец. Голос был низкий, спокойный, с ленцой. — Тихо.

— Тихо, — согласился Виктор.

Пауза.

— Чего сидишь один, студент? — незнакомец покосился на него из-под кепки.

И Виктор, который весь день репетировал этот разговор, вдруг понял, что репетировать было незачем. Текст пришёл сам.

— Да так, — сказал он, глядя на воду. — Жизнь разбираю.

— Жизнь, значит, разбираешь, — хмыкнул незнакомец. Он достал из кармана пачку сигарет, выбил одну, но закуривать не стал — просто крутил в пальцах, как в прошлый раз. — И как, разобрал?

— Пока нет. Но уже понял, что сидеть на лавке и жалеть себя — так себе занятие.

— Ну, смотря как сидеть. — Мужик усмехнулся, и тень от кепки качнулась. — Кто-то сидит и ноет, а кто-то сидит и думает. Это две большие разницы.

Виктор искоса глянул на него. Тот же профиль, та же вальяжность. Всё сходилось до мелочей, будто мир бережно воспроизвёл сцену по старому сценарию, но с одним отличием: теперь у Виктора не было вчерашнего позора, зато была ясная голова.

— Думать-то я думаю, — сказал он. — Только от мыслей денег не прибавляется.

Незнакомец одобрительно кивнул.

— Вот это по-нашему. Студент, а уже понимаешь главное. Деньги — они не в голове, они в движении. Пока сидишь — капает не тебе.

Он наконец сунул сигарету в рот, но зажигалку не достал. Пожевал фильтр и повернулся к Виктору всем корпусом — не спеша, по-хозяйски.

— А деньги-то нужны?

Вот оно. Тот самый вопрос, который Виктор запомнил на всю прошлую жизнь.

— Нужны, — ответил он спокойно.

— Молодому студенту всегда нужны, — кивнул незнакомец. — Девушки, выпивка, сюрпризы. Жизнь, она денег просит, а стипендия — тьфу, на неё и кроссовки не купишь. Я вот что скажу. Есть у меня подработка. Не пыльная, по вечерам. Не связываешь себя ничем, отработал — получил. Ни-

какой кабалы, всё по-честному. Как тебе такое?

Виктор помолчал. В прошлый раз он соврал про найденное место и ушёл. Теперь он хотел знать.

— А что за работа?

— А это разговор отдельный. — Незнакомец снял кепку, провёл ладонью по короткому ёжику волос и снова нахлобучил её на лоб. — Не здесь, не на лавке. Работа не грязная, сразу скажу, чтобы не пугался. Никакой запрещёнки, если ты про это подумал. Но всё серьёзно.

— Я и не думал...

— Думал. Все думают. Я бы тоже на твоём месте думал. — Он рассмеялся, коротко, по-доброму. — Ладно, студент, давай так. Ты парень вроде неглупый, это видно. Не суетишься, лишнего не болтаешь. Такие мне и нужны. Подъезжай завтра к вечеру, поглядим на тебя в деле. Если понравится — останешься. Нет — разбежимся, никто никому не должен.

— А если я скажу «да» вслепую?

— Тогда не подъезжай. — Незнакомец впервые посмотрел ему прямо в глаза, и взгляд у него был тяжёлый, как прижатый к земле груз. — Вслепую только кошки родятся, и то не все. Я тебе не рекламу продаю. Хочешь — узнаешь. Не хочешь — так и скажи.

Виктор выдержал взгляд. Внутри было спокойно, только сердце гулко ударило о рёбра. Он понимал, что стоит на пороге чего-то, что в прошлой жизни обошло его стороной. И то ли страх, то ли азарт — он пока не разобрал, что именно

— заставил его улыбнуться.

— Я подъеду, — сказал он.

Незнакомец кивнул, будто другого и не ожидал.

— Ну, вот и поговорили. Телефон давай.

Они обменялись номерами. Виктор смотрел, как мужик вбивает его цифры в старый кнопочный телефон, и думал, что у него в руках теперь лежит ниточка, за которую в прошлой жизни он побоялся потянуть.

— Зовут-то тебя как? — спросил незнакомец, не поднимая головы.

— Виктор.

— А меня Григорий. Но для работы — просто Гриш. При-
выкай. — Он убрал телефон и встал. — Завтра наберу, ска-
жу куда. Не опаздывай.

— Не опоздаю.

Григорий ушёл той же пружинистой походкой, не оборачиваясь, и вскоре скрылся за деревьями. Виктор ещё поси-
дел немного, глядя на пруд. Вода была тёмная, гладкая, и в
ней отражалось небо.

Он поднялся и пошёл в общежитие. Внутри противно зве-
нело предвкушение — как перед дракой, только драки пока
не было, а было что-то глубже и опаснее.

До восьми оставалось четыре часа, и все их надо было по-
тратить на главное: найти переноску для кошки.

Обход общежития Виктор начал с первого этажа и быстро
понял, что это отдельный вид унижения. В первой же ком-

нате его встретили ржавым смехом и предложением нести кошку в наволочке. Во второй — демонстративно закрыли дверь, едва он произнёс слово «переноска». В третьей долго рылись в шкафах, но выудили только сломанный аквариум.

— Заведи черепаху, — посоветовали ему на четвёртой двери.

Через час Виктор был на грани. Кошка в его комнате тем временем, судя по всему, вскрыла очередную банку тушёнки, потому что из-за двери доносился подозрительный скрежет, и сосед по этажу дважды стучал в стену.

Он уже решил, что понесёт Кезу в рюкзаке, когда постучал в одну из последних комнат на третьем этаже.

Дверь открылась, и весь мир на секунду сжался до этой двери.

На пороге стояла Карина.

Рост — около ста семидесяти, плюс каблуки, хотя дома, по идее, можно было и без. Фигура — те самые песочные часы, про которые пишут в книжках, но в живую они выглядели иначе: как обещание, от которого невозможно отвести глаз. Светлые волосы собраны в небрежный пучок, несколько прядей упали на шею. Шорты едва прикрывали верх бёдер, майка обтягивала грудь, а глаза — серые, с прищуром — смотрели на Виктора с откровенным любопытством.

— Ну? — сказала она, облокотившись о косяк. — Чего стоим, кого ждём?

Виктор сглотнул, но виду не подал. Только улыбнулся —

спокойно, как улыбаются людям, с которыми заранее знаешь, что разговор будет непростым.

— Переноску ищу, — сказал он. — Для кошки. Может, у тебя есть?

— Переноску. Для кошки. — Карина повторила это медленно, будто пробовала слова на вкус, и уголок её рта дёрнулся вверх. — А сам ты кто будешь? Или так, ходишь по этажам, ищешь, куда кошку посадить?

— Виктор. С матфака. Живу на втором, у Горелова.

— А, у Димки. — Она кивнула, скрестив руки под грудью, отчего майка натянулась так, что Виктору пришлось сделать над собой заметное усилие, чтобы смотреть ей в глаза. — Знаю такого. Ну и зачем тебе переноска? Кошку, что ли, похитил?

— Возвращаю. Хозяйке.

— Хозяйке, — снова повторила Карина, и прищур её стал острее. — Красивая хоть?

Виктор не клюнул.

— Рыжая.

— Кошка или хозяйка?

— Обе.

Карина вдруг рассмеялась — негромко, грудным смехом, от которого у Виктора против воли потеплело где-то в животе.

— Ладно, Нестеров, заходи. Переноска у меня есть. Только не просто так.

Она отступила в комнату, пропуская его, и Виктор шагнул внутрь. Комната была женская до мелочей: пахло чем-то сладким, на подоконнике стояли свечи, на кровати валялась куча подушек, а на стене висела гирлянда, которую обычно вешают на Новый год. Но беспорядок был не небрежный, а жилой, тёплый.

Карина закрыла дверь и прислонилась к ней спиной.

— Значит так, Виктор с матфака. Переноску я тебе дам. Хоть навсегда бери. Но взамен — три моих желания. Любых.

— Любых? — уточнил он.

— Любых, — она смотрела на него с вызовом, и в серых глазах плясали бесенята.

Виктор хмыкнул. В прошлой жизни он бы уже бормотал что-то и пятился к двери. Теперь — стоял, сунув руки в карманы, и разглядывал её так же открыто, как она его.

— И что же за желания?

— А вот это уже следующий вопрос. — Карина оттолкнулась от двери и прошла мимо него к кровати, уселась на край, закинув ногу на ногу. От этого движения шорты задрались ещё выше, и Виктор усилием воли заставил себя не опускать взгляд. — Ты сначала скажи: согласен или нет.

— Соглашаться вслепую я не люблю.

— О, гляди, какой осторожный. — Она откинулась на локти, и майка натянулась на груди. — Ладно, киса. Первое желание скажу сразу, чтобы ты понимал, во что ввязываешься. Остальные — потом, когда придумаю. Идёт?

Виктор кивнул.

— Идёт. Говори первое.

Карина посмотрела на него снизу вверх, и улыбка её стала медленной, как масло по тёплому хлебу.

— Полки, — сказала она.

— Что?

— Полки. Две штуки. Вон там, — она мотнула головой в сторону стены. — Кривые, с самого заезда. Я на них ничего не ставлю, боюсь, рухнут. Поправишь — зачтём первое желание.

Виктор проследил за её взглядом. У стены действительно висели две книжные полки, обе с заметным перекосом, одна просела настолько, что книги съехали в угол.

— И это твоё «любое желание»? — он не удержался от усмешки.

— А ты думал, я над тобой издеваться сразу начну? — Карина приподняла бровь. — Не всё сразу, студент. Сначала докажи, что руки у тебя не только для того, чтобы кошку под хвостом щупать.

Виктор рассмеялся.

— Заметно, что ты с Димкой общалась.

— Все с Димкой общались. Он половине общаги про твои кошачьи приключения уже рассказал.

Он вздохнул, но по-доброму.

— Ладно. Полки так полки. У меня инструменты в комнате, сейчас принесу.

— Беги, — Карина махнула рукой. — Только не забудь вернуться, а то переноску не увидишь.

Он вернулся через десять минут с ящиком инструментов, который раздобыл у коменданта в обмен на обещание починить в холле скрипучую дверь. Карина за это время успела переодеться — теперь на ней были короткие домашние шорты и свободная футболка, завязанная узлом на животе. Это было ещё хуже. То есть лучше. То есть Виктор решил не смотреть и всё равно смотрел.

— Инструменты, — сказал он, поднимая ящик.

— Вижу, что не только инструменты. — Карина усмехнулась и кивнула на стену. — Действуй.

Полки снялись легко. Виктор работал быстро и сосредоточенно: вынул старые дюбели, заново разметил крепления, вбил новые, проверил уровнем. Карина сидела на кровати, поджав ноги, и молча наблюдала. От её взгляда у Виктора слегка горел затылок.

— Ты знаешь, что делаешь, — сказала она, когда он прикрутил первую полку.

— Я по жизни починаю то, что до меня сломали.

— Философ с дрелью. — Она хмыкнула. — Это уже интереснее.

Со второй полкой он провозился дольше: стена в этом месте крошилась, пришлось заливать дюбель. Карина слезла с кровати, подошла ближе и встала у него за спиной, так близко, что он слышал её дыхание и запах — сладкий, с ноткой

ванили, совсем не такой, как у Лизы.

— Ровно, — оценила она, заглянув через его плечо. — Молодец.

— Ещё не готово.

— А я про другое.

Он обернулся. Карина стояла в полушаге, запрокинув голову, и смотрела на него всё тем же оценивающим взглядом, но теперь в нём было что-то другое — не вызов, а скорее азарт, разогретый близостью.

— Первое желание исполнено, — сказал Виктор, откладывая отвёртку.

— Почти. — Она качнулась вперёд, приподнялась на цыпочки и поцеловала его в щёку. Поцелуй был короткий, но губы у неё были горячие и мягкие, и от неожиданности Виктор замер.

— Это ещё за что?

— Аванс за второе. — Карина взяла его руку и, не сводя с него глаз, положила к себе на бедро. Под ладонью оказалась тёплая, гладкая кожа — горячее, чем он ожидал. Её бедро чуть напряглось под его пальцами. — Я могу быть благодарной, Виктор. Главное — постараться.

Она прошептала это почти в самые губы, и Виктор почувствовал, как по спине пробежала дрожь — острая, как разряд. Второе желание уже не казалось таким невинным.

— Осталось два, — сказал он, и голос получился ниже, чем он хотел.

— Осталось два, — согласилась Карина и отступила, с явной неохотой. — Но не сегодня. Сегодня ты к кошке торопишься.

Она открыла шкаф, достала с верхней полки синюю пластиковую переноску и протянула ему.

— Держи. И не говори потом, что я злая.

— Не скажу, — Виктор принял переноску. — Спасибо.

— Не благодари раньше времени. — Карина снова усмехнулась, и в её усмешке было обещание, от которого у Виктора против воли стянуло живот. — Захочешь ещё полки — ты знаешь, где меня найти.

Он вышел в коридор с переноской под мышкой и с горящим следом от её поцелуя на щеке. Голова шла кругом. Он покачал ею, отгоняя наваждение, и пошёл к себе.

Кошка встретила его у порога с таким видом, будто он был виноват во всех её бедах разом. Судя по пустой банке на полу, Димка снова её перекормил, и теперь Кеца лежала на боку, раскинув лапы, и смотрела на Виктора мученически.

— Красавица, — сказал он ей. — Поехали к хозяйке.

Затолкать кошку в переноску оказалось отдельным приключением. Кеца мгновенно преобразилась из ленивой подушки в боевого ежа: она растопырила все четыре лапы, вцепилась когтями в края переноски и орала так, что с соседних комнат выглянули любопытные.

— Ты её по-доброму, — подсказал из-за двери Димка, который уже проснулся и с интересом наблюдал за операцией.

— Она уважает ласку.

— Она уважает только тушёнку, — пропыхтел Виктор, впихивая кошку внутрь.

Наконец решётчатая дверца захлопнулась. Кеца обиженно затихла, свернулась в углу и отвернулась, всем видом показывая, что ничего не простила.

— Ну всё, — выдохнул Виктор. — Пошли.

Он глянул в окно и обречённо застонал. За стеклом темнело, и первые тяжёлые капли уже били по подоконнику.

Дождь начался, как всегда в таких случаях, не по прогнозу — внезапный, косой, плотный, как шторка. Виктор натянул капюшон, прижал переноску к груди и побежал.

Дождь был не тёплый, как летом, а колючий, осенний, и уже через минуту Виктор промок до нитки. Капюшон облепил голову, джинсы прилипли к ногам, а переноска в руках ходила ходуном, потому что Кеца внутри металась и орала, проклиная погоду, дождь и Виктора лично.

— Сама виновата, — прохрипел он, перепрыгивая лужу. — Не надо было по деревьям лазить.

Кошка ответила ему тем же воем, полным вселенской обиды.

Он бежал через парк той же дорогой, что вчера шёл с Лизой, и в темноте под дождём всё выглядело иначе: мокрые липы шумели, как море, фонари расплывались жёлтыми кляксами, а тропинка превратилась в реку. Пять минут через парк растянулись в вечность.

У подъезда он наконец остановился перевести дух. С него текло ручьём. Переноску он прижимал к груди, как драгоценность, и из-за решётчатой дверцы на него смотрели два зелёных, полных ненависти глаза.

— Дошли, — выдохнул он и нажал кнопку домофона.

Лиза открыла почти сразу, будто ждала под дверью.

Она была в облегающей белой футболке, которая подчёркивала небольшую грудь и обтягивала талию, и в коротких спортивных шортиках, открывавших длинные смуглые ноги. Рыжие волосы рассыпались по плечам, на лице не было ни грамма косметики, и от этого она казалась ещё моложе, ещё беззащитнее. Увидев Виктора, мокрого до нитки, она всплеснула руками.

— Ты с ума сошёл! В такой дождь!

Но её взгляд уже упал на переноску. Она ахнула, прижала ладони к щекам, и глаза у неё сделались огромными.

— Это... это же...

— Кеца, — сказал Виктор, поднимая переноску. — Настоящая.

Лиза бросилась к нему, опустилась перед переноской на колени прямо в прихожей и заглянула сквозь решётку. Изнутри раздалось требовательное «мяу».

— Кеца! Девочка моя! Где ты была?!

Кошка в ответ завопилась, и Виктор услышал, как она трётся мордой о пластик. Лиза подняла на него глаза, и в них стояли слёзы — не печали, а того самого облегчения, от ко-

торого ломается голос.

— Как ты её нашёл? — прошептала она.

— Она меня нашла. Вернее, моего соседа. Он её вчера у подъезда подобрал и откармливал тушёнкой.

— Тушёнкой! — Лиза рассмеялась сквозь слёзы. — Бедная моя девочка!

Она вскочила, схватила Виктора за мокрый рукав и буквально затащила внутрь.

— Заходи, заходи! Ты весь мокрый. Так нельзя. Сейчас же снимешь всё, я принесу тебе сухое.

— Лиза, я не хочу тебя стеснять...

— Какое стеснять! — Она уже захлопнула за ним дверь и повернулась к нему, решительная, как маленький генерал. — Ты принёс мне Кезу под дождём. Если ты заболеешь, я себе не прощу. Всё, иди в ванную, снимай мокрое, я сейчас принесу тебе одежду. Мужскую. У папы осталась.

Она говорила быстро, не оставляя пространства для спора, и Виктор понял, что сопротивляться бессмысленно. Да и честно говоря, не хотелось: мокрые джинсы ледяными клещами впивались в ноги.

— Хорошо, — сдался он. — Только выпусти кошку, она тебя заждалась.

Лиза кивнула, открыла дверцу переноски, и Кеза выскользнула наружу пулей. Кошка сразу потёрлась о Лизины ноги, подняла хвост трубой и, не глядя на Виктора, гордо прошествовала вглубь квартиры, как императрица, вернув-

шаяся в свои владения.

— Иди, иди, — подтолкнула Лиза Виктора к ванной. — Полотенца на крючке.

Ванная оказалась под стать квартире: светлая, с большим зеркалом, с пахнущим хвоей мылом. Виктор закрыл дверь и стянул с себя мокрую футболку, которая отлипала от тела с противным чавкающим звуком. Потом джинсы — те пришлось буквально сдирать. Он остался в одних трусах, поёжился и потянулся за полотенцем.

Кровь всё ещё гудела от бега, от дождя, от Лизы в этих шортиках. Он запретил себе думать о ней, но тело, восемнадцатилетнее, отзывалось мгновенно и предательски. Виктор шумно выдохнул, глядя в зеркало на своё отражение — мокрые волосы облепили лоб, по груди стекали капли.

Он как раз снял трусы и начал вытираться, когда дверь распахнулась.

— Я принесла! Тут папины спортивные штаны и футболка, они тебе, наверное, будут... — Лиза влетела с охапкой одежды и осеклась на полуслове.

Виктор не успел ни прикрыться, ни повернуться. Он так и замер с полотенцем в руке, повернувшись к ней вполоборота, обнажённый, и капли воды медленно стекали по его груди вниз, к животу и дальше.

Лиза замерла в дверях.

Её взгляд скользнул по его лицу, по груди, по животу — и остановился ниже, там, где между бёдер, в тёмных мокрых

завитках, лежал его член. Не возбуждённый до конца, но уже тяжелеющий от её присутствия, от её дыхания, от того, как она стояла в проёме с приоткрытыми губами.

Она не закричала. Не отвернулась. Она смотрела — прямо, не отрываясь, как под гипнозом, и щёки её заливались краской, а дыхание сбилось.

— Я... — выдохнула она. — Прости. Я не хотела... я думала...

Но взгляд не отрывался. Он держал его там, прикованный, и Виктор физически чувствовал этот взгляд на своей коже, как прикосновение.

— Лиза, — тихо сказал он.

Она вздрогнула, будто очнулась, и сделала крошечный шаг назад, не отводя глаз.

— Одежда. Вот. — Она протянула охапку вслепую, не глядя. — Я положу... вот сюда.

Она положила вещи на край стиральной машины, так и не подняв взгляда, и попятилась к двери. Её грудь вздымалась под тонкой футболкой, на шее билась жилка.

— Прости, — повторила она почти шёпотом.

И вышла, не отрывая взгляда до последней секунды, пока дверь не закрылась за ней.

Виктор остался стоять с полотенцем в опущенной руке. Сердце колотилось так, будто он всё ещё бежал под дождём. Член уже не был просто тяжелеющим — он налился полностью и стоял, прохладный воздух ванной не остужал, а толь-

ко обострял ощущения.

Он упёрся лбом в холодное зеркало и глухо засмеялся.

Глава 4

Виктор не перебивал. Он знал это чувство — пустую квартиру, в которой пахнет чужими вещами, и телефон, который молчит вечерами. В прошлой жизни он прожил так полтора десятка лет и до сих пор не научился заполнять эту пустоту ничем, кроме работы.

— А брат? — спросил он. — Ты говорила, у тебя есть старший брат.

Лиза чуть сгорбилась над кружкой.

— Был. Вернее, он есть, но мы почти не общаемся. Он поссорился с родителями, когда мне было лет пятнадцать. Из-за чего — не знаю точно, при мне всё держали в тайне. Он собрал вещи и уехал. Сначала звонил мне по праздникам, потом реже, потом перестал. Теперь я даже не знаю, в каком он городе.

— Давно?

— Года три. — Она усмехнулась невесело. — Иногда мне кажется, что в этой семье уезжать — это у нас наследственное. Просто я единственная, кто остался.

Она замолчала, и кошка, почувствовав что-то, спрыгнула с дивана, подошла и потёрлась о Лизины голые щиколотки. Лиза наклонилась, погладила её, и на губах у неё мелькнула слабая улыбка.

— Зато Кеза не уезжает. Она вообще из дома не выходит,

а тут как вышла — так сразу приключения.

— Может, она просто искала, кто бы тебя рассмешил, — сказал Виктор.

Лиза подняла на него глаза и не сразу отвела взгляд.

— А ты, — сказала она тихо, — ты сам-то откуда такой?

— Из общежития, — ответил Виктор с улыбкой, но понял, что она спрашивает о другом.

— Я не про адрес. Ты странный. То на дерево лезешь, то извиняешься за то, что кошка у тебя под дверью поселилась. Так не бывает, что люди безвозмездно так добры к незнакомкам.

— Почему?

— Не знаю. — Она покачала головой. — Обычно люди сначала что-то хотят, а потом уже лезут на деревья.

Виктор откинулся на спинку табурета. Хотел отшутиться, но вместо этого сказал правду

— Я не хочу ничего такого, что бы ты не захотела сама. Мне просто... нравится быть здесь.

Лиза приоткрыла губы, будто хотела что-то ответить, но промолчала. Щёки её снова порозовели, но на этот раз она не опустила взгляд.

— Мне тоже, — прошептала она. — Нравится, что ты здесь.

Кошка запрыгнула Виктору на колени без предупреждения, тяжело, как мешок с песком, и принялась уминать лапами его бедро, выпуская когти. Виктор охнул.

— Это у неё одобрение, — засмеялась Лиза. — Она так помечает своих.

— Больно помечает.

— Зато честно.

Кеза развернулась, показав им хвост, и устроилась на коленях Виктора, как на подушке, громко замурчав. Виктор осторожно погладил её, и кошка неожиданно прикрыла глаза, подставив голову.

— Ну вот, — сказала Лиза. — Ты ей понравился. Теперь она тебя не отпустит.

— А хозяйка?

Вопрос вырвался раньше, чем Виктор успел его обдумать. Лиза замерла с кружкой на полпути ко рту. В кухне стало тихо, только мурчание кошки гудело, как маленький мотор.

— А хозяйка, — медленно проговорила Лиза, глядя в кружку, — ещё не решила. Но склоняется к тому, что ты не так прост, как хочешь казаться.

— Я вообще очень прост, — Виктор погладил кошку. — Меня кошки и рыжие девушки в парках понимают с полуслова.

Лиза приснула и покачала головой.

— Всё-таки ты невыносимый.

— Значит, сходимся.

За окном давно стемнело. Дождь стих, и в мокром стекле отражались огни дома напротив — жёлтые, расплывчатые, как свечи под водой. Виктор глянул на часы и понял, что

просидел дольше, чем собирался. Поднялся, бережно ссадил кошку на пол.

— Мне пора. Одежда высохла?

— Сейчас проверю. — Лиза встала, вышла в прихожую, вернулась с его джинсами и футболкой — сухими, тёплыми, пахнущими порошком. — Держи. Можешь переодеться, а это, — она кивнула на штаны и рубашку, — можешь оставить себе. Вернее, я хочу, чтобы ты оставил.

— Зачем?

— Как сувенир. — Она пожала плечами, но глаза у неё блестели лукаво. — Или как повод вернуться, если начнут надоедать. Мой папа в эти вещи всё равно не влезет.

Виктор усмехнулся.

— А если я не вернусь?

— Тогда останешься с сувениром. Но я почему-то думаю, что вернёшься.

Он не стал переодеваться — решил, что в мягких штанах и фланелевой рубашке до общаги дойдётся даже приятнее, чем в джинсах. Собрал свои вещи в пакет, который Лиза заботливо подала. В прихожей они замерли друг напротив друга.

— Спасибо за ужин, — сказал Виктор. — И за кошку. И за то, что не выгнала.

— Я бы тебя и не выгнала. — Лиза вдруг шагнула к нему и обняла — крепко, прижавшись головой и грудью к его телу. От неё пахло чаем и ещё чем-то домашним, уютным. Виктор

обнял её в ответ, одну руку положив на поясницу, вторую — на лопатки, и почувствовал, как она вздрагивает под его ладонями.

— У тебя сердце колотится, — тихо сказал он.

— Это не сердце. Это кошка мурчит.

— Кошка на диване.

— Значит, это я. — Лиза не разжала рук. — Не обращай внимания.

Они стояли так ещё несколько секунд — долгих, тёплых, тягучих. Потом Лиза отстранилась первой, но не сразу, а медленно, как выходят из воды.

— Иди, — сказала она. — Пока я не передумала и не оставила тебя ещё на чай.

— Я бы не отказался.

— В следующий раз.

Виктор улыбнулся.

— Значит, будет следующий раз.

Он уже взялся за ручку двери, когда вспомнил.

— Лиза. Дай свой номер.

Она удивлённо моргнула, потом рассмеялась.

— А ты наглый. Только за порог — и сразу номер.

— Я просто в прошлый раз забыл. Больше не хочу.

Лиза продиктовала цифры, и Виктор вбил их в телефон, чувствуя, как внутри разливается что-то тёплое, похожее на уверенность.

— Я напишу, — пообещал он.

— Попробуй не написать.

Дверь закрылась за ним, и Виктор постоял в подъезде, глядя на тёмный экран, на котором светилось её имя. Потом сунул телефон в карман и вышел в ночь.

Дождь кончился, но воздух был влажный и прохладный. Асфальт блестел, в лужах дрожали огни фонарей. Виктор шёл через парк, и город казался ему вымытым, новым, как будто кто-то снял с него пыльную плёнку. В руке покачивался пакет с одеждой, на плечах — чужая рубашка, пахнувшая чужим домом, а в груди — странное, забытое ощущение, которому он не сразу нашёл название.

Оказалось — надежда.

К общежитию он подошёл поздно. Часы на проходной показывали половину двенадцатого, и вахтёрша Изольда Павловна, крупная женщина с лицом, будто высеченным из сырого теста, уже стояла в дверях, скрестив руки.

— Нестеров, — проговорила она так, что имя прозвучало как приговор. — Ты в курсе, который час?

— В курсе, Изольда Павловна. Извините, задержался.

— Задержался он. — Она не сдвинулась с места. — Я сейчас милицию вызову, вот тогда узнаешь, что значит задержался. Шёл бы ты на все четыре стороны.

Виктор прикинул расклад. В прошлой жизни он бы начал мямлить, оправдываться, и всё равно ночевал бы на лестнице. Теперь он посмотрел вахтёрше прямо в глаза и изобразил на лице то особое выражение усталой честности, которому

научился за годы отчётов перед начальством.

— Изольда Павловна, виноват. Но я не по бабам шатался, если вы про это. У нас на этаже кошка бездомная, вчера у соседа под дверью чуть не околела. Я её в клинику носил, в переноске, — он приподнял пакет. — Вы же знаете, я животных люблю.

Вахтёрша прищурилась.

— Какая ещё кошка? У нас в общежитии животных держать запрещено.

— Так я её не держу. Я её спасал. Разница есть.

Изольда Павловна помолчала, буравя его взглядом, и Виктор уже решил, что придётся импровизировать дальше, но она вдруг шумно вздохнула.

— Ладно, проходи. Но ещё раз после одиннадцати — и будешь ночевать на коврике. Я тебе не мать, чтобы с тобой нянчиться.

— Вы лучше матери, Изольда Павловна.

— Не подлизывайся.

Она посторонилась, и Виктор скользнул в тёплый вестибюль, пахнувший хлоркой и старой побелкой. Поднимаясь по лестнице, он усмехался: вот и первая маленькая ложь во второй жизни. Похоже, это только начало.

На третьем этаже он остановился у комнаты Карины. Постучал — тишина. Постучал ещё раз, погромче. За дверью не было ни звука, ни полоски света под косяком.

— Ну и где тебя носит? — пробормотал Виктор, сам не

зная, зачем ему это.

Переноску он поставил у своей двери, вошёл в комнату и не стал зажигать свет. Димка спал, раскинувшись на кровати, и похрапывал, как трактор. В углу, на подоконнике, стояла пустая банка из-под тушёнки — следы кошачьего пиршества.

Виктор разделся в темноте, лёг и уставился в потолок, на лампу без абажура. Сон не шёл. Он ворочался, но перед глазами всё стояло одно и то же: Лиза в коротком халате, её руки на коленях, её голос, тихий и тёплый. «Мне нравится, что ты здесь».

Он улыбнулся.

А потом мысли, как всегда, потекли дальше — туда, куда он не хотел их пускать.

Лиза. Карина. Даже Люда Соколова, если разобраться, была хороша собой, но от неё стоило ждать только неприятностей. Слишком много красивых женщин появилось вокруг за два дня, и Виктор, проживший жизнь, знал: такие совпадения редко бывают случайными. Жизнь словно нарочно расставляла их у него на пути — то ли награда за двадцать лет пустоты, то ли проверка.

Скрипнула дверь. Виктор замер.

— Нестеров, ты не спишь? — шёпотом спросил Димка с соседней кровати.

— Не сплю.

— Я вот чего подумал. — Димка завозился, и в темноте

скрипнули пружины. — Ты какой-то не такой. То кошку под хвостом щупаешь, то ночью возвращаешься в чужой рубашке. Ты случаем не в секту вступил?

Виктор негромко рассмеялся.

— В секту. Называется «вечерняя доставка кошек».

— Ну-ну. — Димка помолчал. — Только ты это, если что — я с тобой. В смысле, если по-серьёзному. Не в секту, а так. Ну ты понял.

— Понял, — сказал Виктор. — Спасибо.

— Да ладно, — Димка зевнул. — Спи давай, кошачий герой.

Он затих, и вскоре его дыхание стало ровным. А Виктор ещё долго лежал с открытыми глазами, глядя в потолок.

Завтра. Григорий. Работа. Он так и не знал, что это за место, и теперь, лёжа в темноте общежитской комнаты, чувствовал, как азарт в груди мешается с холодком, от которого не по себе. В прошлой жизни он побоялся — и всю оставшуюся жизнь гадал, что потерял. Теперь он узнает.

И, может быть, пожалеет. Он перевернулся на бок, поднял одеяло до подбородка. Сон не шёл. Мысли крутились, как бельё в машинке, и среди них всё чаще всплывало лицо, которое Виктор двадцать лет гнал от себя.

Родители.

В прошлой жизни он переехал в общежитие, едва выдалась возможность, и наврал себе, что сепарация поможет наладить общение. Не помогла. Сначала звонил раз в неделю,

потом раз в месяц, потом только по праздникам — короткие, скомканные разговоры, в которых обе стороны боялись сказать лишнее. Мать спрашивала, тепло ли он одевается. Отец молчал в трубку, а в конце передавал привет. Виктор обещал приехать, не приезжал, и с каждым годом расстояние между ними становилось не в километрах, а в невысказанном.

Потом отца не стало. Инфаркт, ночью, скорую вызвала соседка. Виктор узнал об этом утром, от матери, и в её голосе не было упрёка — только усталость. Он приехал на похороны и стоял у гроба, глядя на чужое, спокойное лицо, и не мог вспомнить, когда в последний раз видел отца живым. Мать умерла через два года. Он не был даже на её похоронах — командировка, работа, та самая дурацкая работа, ради которой он двадцать лет откладывал жизнь на потом.

Вот что было по-настоящему страшно. Не позор в аудитории, не жена, которая ушла, не ипотека. Страшно было лежать в сорок с лишним и понимать, что ты дважды похоронил людей, которых так и не узнал.

Теперь ему снова восемнадцать. Где-то в другом городе — или в том же, он даже не помнил точно, — живут отец и мать, ещё не старые, ещё не уставшие от его молчания. Они не знают, что их сын уже однажды их потерял.

Виктор закрыл глаза.

— Я исправлю, — прошептал он в темноту. — И это тоже.

Он лежал и думал о том, как странно устроена вторая попытка: ему дали тело, в котором кровь кипит, и память, в ко-

торой навсегда застряло сорокалетнее одиночество. Теперь нужно было как-то уместить их в одном человеке и не сойти с ума.

За окном, в мокрых ветвях, шумел ветер. Димка посапывал на соседней кровати. А Виктор смотрел в потолок, на лампу без абажура, и впервые за долгое время не боялся завтрашнего дня.

Потому что знал: этот день у него уже был. И знал, что на этот раз проживёт его иначе.

Глава 5

Суббота началась с солнца.

Оно вошло в окно без занавесок, растеклось по полу жёлтой лужей и добралось до кровати Виктора. Он проснулся оттого, что свет давил на веки, как тёплая ладонь. Несколько секунд лежал, не открывая глаз, вспоминая, где он и сколько ему лет. Потом поднёс к лицу руку — гладкую, без старческих вен, с тонким шрамом на сгибе указательного пальца, который появился ещё в детстве и теперь снова был свежим, почти розовым.

Восемнадцать. Суббота. Вторая жизнь.

Димка спал на соседней кровати, накрывшись с головой, и из-под одеяла торчала только русая макушка. Виктор осторожно встал, натянул спортивные штаны, взял с подоконника полотенце и вышел в коридор. В умывальной комнате было пусто и холодно. Из крана текла ледяная вода, из соседнего отсека пахло хлоркой и мокрой штукатуркой. Виктор умылся, почистил зубы, глядя в мутное зеркало над раковиной, и снова удивился тому, как молодо выглядит его лицо — без залысин, без мешков под глазами, с той дерзкой припухлостью губ, какая бывает у парней, которые ещё не научились прятать улыбку.

Он провёл ладонью по щеке. Щетина едва пробивалась, и вчера он носился с ней, как с наградой. Теперь это казалось

смешным: в прошлой жизни он двадцать лет смотрел в зеркало на усталого мужика, а теперь получил обратно лицо, с которого ещё не сходило выражение вечного голода по жизни.

На обратном пути он проходил мимо комнаты Карины и машинально глянул на пол у двери. Переноски не было. Вчера он оставил её здесь, у косяка, — в пустом коридоре, в половине двенадцатого ночи. Теперь её место пустовало, и в груди шевельнулось что-то среднее между любопытством и тревогой.

Он постучал.

Тишина. За дверью не шелохнулось. Виктор постучал ещё раз, громче, и уже подумал уйти, когда замок щёлкнул и дверь приоткрылась.

Карина смотрела на него сквозь щель — заспанная, взлохмаченная, с розовой полосой от подушки на щеке. Глаза у неё были прищурены, как у человека, которого выдернули из сна на самом интересном месте. Но когда она узнала Виктора, на губах у неё сама собой проступила та самая хитрая, медленная улыбка, которую он уже успел запомнить.

— Ну? — голос у неё был сиплый со сна. — Чего стучишь в субботу с утра?

— Переноска пропала, — сказал Виктор. — Я вчера оставлял её у двери.

— Не пропала. — Карина потянулась, и дверь приоткрылась шире. — Я её под утро забрала. Стояла, как беспризор-

ница. Пришлось спасать.

На ней была ночнушка — короткая, тонкая, явно не рассчитанная на субботних гостей. Лямка сползла с плеча, открывая ключицу и верх груди, и Виктор заставил себя смотреть ей в глаза, хотя это было непросто.

— Извини, что разбудил, — сказал он.

— Разбудил? — Карина усмехнулась. — Я ещё не ложилась толком. Вернулась под утро, как раз переноску твою и подобрала. Думала, ты её мне в подарок оставил.

— Нет, я просто хотел вернуть. Вчера стучал, но тебя не было.

Она отвела взгляд — на секунду, но Виктор уловил этот миг: зрачки ушли в сторону, будто она прикидывала, сколько можно сказать.

— Меня не было, — согласилась она спокойно. — Дела.

Пауза. Из-за её спины тянуло теплом и запахом сладкого сна. Виктор поймал себя на том, что разглядывает её босые ноги и то, как ночнушка обтягивает бёдра.

— Ты ещё должен мне два желания, — сказала Карина, возвращая взгляд Виктора. — Не забыл?

— Помню. Я же согласился.

— Вот и славно. — Она оперлась плечом о косяк, скрестив руки под грудью, отчего ночнушка натянулась ещё сильнее. — Приходи на следующей неделе. Второе желание уже готово. Но рассказывать о нём я тебе пока не буду.

— Даже намёк?

— Ни намёка. — Она покачала головой, и светлые пряди качнулись у щеки. — Придёшь — узнаешь. Если не струсишь.

— Я похож на того, кто трусит?

Карина смерила его взглядом с ног до головы, не торопясь.

— Нет, — признала она. — Поэтому я тебя и выбрала.

Виктор усмехнулся.

— Выбрала? Звучит так, будто я уже не просто переноску должен.

— А ты и не просто переноску должен. Ты мне должен два желания, а это, сам понимаешь, серьёзнее любых денег. — Она выпрямилась, и дверь качнулась. — Ладно, студент, дай поспать. И не карауль больше у моей двери, а то решат, что ты ко мне клинья подбиваешь.

— А я не подбиваю?

— Посмотрим. — Карина улыбнулась, медленно, как масло по тёплому хлебу, и закрыла дверь.

Виктор постоял в коридоре, глядя на обшарпанную краску, и тихо засмеялся. Вот же женщина. Каждое её появление выбивало из-под ног что-то важное — то ли землю, то ли остатки здравого смысла.

Он вернулся в комнату. Димка уже не спал — сидел на кровати, хлопая глазами, и ковырял засохшую корку хлеба, найденную на тумбочке.

— Ты чего такой довольный? — пробурчал он. — Опять кошку под хвост шупал?

— На этот раз — нет. — Виктор сел на свою кровать. — Собирался, но не успел.

Димка хрюкнул в кулак и махнул рукой.

— Суббота, Нестеров. Что делаешь?

— Готовлюсь к учёбе. А вечером — дела.

— Дела у него, — Димка зевнул, разваливаясь обратно.
— Ну-ну. Только не вляпайся опять в кошачью историю.

Виктор хотел ответить, что в этот раз всё будет серьёзнее кошачьей истории, но промолчал. Димке знать не обязательно. По крайней мере, пока.

До вечера Виктор действительно провёл большую часть дня над тетрадями. Точнее, попытался. Голова не хотела заниматься матанализом: мысли то и дело соскальзывали то к Лизе, то к Карине. Он перечитывал конспекты, делал пометки на полях, но то и дело ловил себя на том, что смотрит в окно, где солнце золотило верхушки лип, а по карнизу расхаживал голубь с таким независимым видом, будто общежитие принадлежало ему.

Димка после полудня ушёл куда-то по своим делам, не сказав куда, и в комнате стало тихо. Виктору такая тишина была даже на руку: впервые за эти безумные дни он мог просто сидеть, не притворяясь перед соседом, и раскладывать по полочкам то, что с ним происходит.

А происходило, если честно, много. Слишком много для двух с половиной дней.

Он снова стал восемнадцатилетним. Он подставил Люду

Соколову так, что она теперь неделю не выйдет из комнаты. Он познакомился с Лизой, которая смотрела на него так, будто он был и причиной её смущения, и единственным, кто мог его снять. Он по уши влез в историю с тремя желаниями Карины. И он согласился на работу у человека, о котором в прошлой жизни думал месяцами, гадая, что упустил.

Последнее не давало покоя больше всего.

К вечеру он встал, сходил в душ, побрился начисто, хотя бритьё всё ещё было почти нечем, и оделся в одежду отца Лизы — те самые каштановые штаны с подвязками и клетчатую рубашку. В зеркале на дверце шкафа отразился другой человек: подтянутый, спокойный, с лёгкой небрежностью в закатанных рукавах. Виктор одёрнул рубашку, поправил воротник и усмехнулся.

Хорош. Ни дать ни взять — молодой человек из хорошей семьи, который пошёл по делам, а не студент общаги, который три дня назад спал в аудитории, пока его не сбила собственная жизнь.

Он достал телефон и открыл сообщение от Гриши. Там был адрес. Виктор глянул на него, потом на время. Пора.

— Ну, — сказал он своему отражению, — поехали.

Автобус пришлось ждать долго. Виктор стоял на остановке, засунув руки в карманы, и смотрел, как по проспекту течёт субботний вечер: парочки, семьи, пьяные компании, светящиеся окна магазинов. Город жил своей обычной жизнью, и Виктор в этом городе был единственным, кто знал, чем за-

кончится обычная жизнь. От этого всё вокруг казалось чуть ненастоящим, как декорация, в которой он — единственный актёр, помнящий пьесу до конца.

Адрес привёл его на старую улицу, застроенную ещё в советские времена. Там, за рядом пожелтевших тополей, стояло красивое трёхэтажное здание с колоннами у входа и лепниной по карнизу. Судя по вывескам, внутри расположились разные кружки и кинотеатр: у двери висела застеклённая доска с расписанием, а над входом горела тусклая вывеска «Культурный центр».

Виктор поднялся по ступеням. Дверь была заперта. Он набрал Гришу.

— Слушаю, — отозвался тот после двух гудков, голос был низкий, с ленцой, как тогда в парке.

— Это Виктор. Я на месте.

— Молодец, не опоздал. Стой у входа, я сейчас.

Через минуту за стеклом двери показалась знакомая фигура. Гриша отпер замок и впустил его, жестом показал идти за собой. Одет он был уже не в спортивные штаны, а в тёмные брюки и лёгкую рубашку, но кепку не снял — так и сидела на затылке, козырьком назад.

— Ну что, студент, готов к труду? — бросил он через плечо, не оборачиваясь.

— Посмотрим, что за труд.

— А ты не промах. Другой бы уже трясся.

— Я трясусь, — честно сказал Виктор. — Просто не по-

казываю.

Гриша хмыкнул, и они стали подниматься по лестнице. Ступени скрипели, в воздухе стоял запах старого дерева, пыли и чего-то химического — то ли краски, то ли клея. По стенам висели детские рисунки и афиши кружков: «Шахматы», «Лепка», «Хоровое пение». Всё это никак не вязалось с тем, что Виктор ожидал увидеть.

На третьем этаже Гриша открыл дверь в кабинет. Внутри было чисто, почти по-деловому: письменный стол, пара стульев, шкаф с папками, на подоконнике — пластиковый фikus. Над столом висел календарь с котом. Гриша опустился в кресло, снял кепку, провёл ладонью по короткому ёжику и кивнул Виктору на стул напротив.

— Садись. Разговор будет недлинный.

Виктор сел. Гриша откинулся в кресле, сложил руки на животе и посмотрел на него оценивающе.

— Значит, так. Я — администратор этого здания. Официально здесь кружки, кинотеатр, секции для детей. Неофициально — иногда тут проходят особые закрытые мероприятия. Клуб «Честь». Слышал?

— Нет.

— И хорошо. Значит, не болтал никто. — Гриша усмехнулся. — Мне нужен доверенный помощник. На особые поручения. Не спрашивай сейчас, какие именно, — узнаешь по ходу. Скажу главное: работа не пыльная, плачу хорошо, рисков почти нет, если делать с умом. А ум у тебя, я погля-

жу, есть.

— С чего вы взяли?

— С того, как ты в парке со мной говорил. Не суетился, лишнего не болтал, на лавке не тряся. Такие мне и нужны.

— Гриша подался вперёд, упёрся локтями в стол. — Когда приступать?

— Прямо сейчас, — сказал Виктор.

Гриша улыбнулся — широко, по-доброму, но глаза остались цепкими.

— Вот это по-нашему. Ладно, студент, не буду тянуть ко-та за хвост. Твоё первое задание — простое, как валенок. Иногда на наши мероприятия приходится приглашать людей лично. Не по телефону, не по почте — лично, с бумажным конвертом от одного из участников. Вот этим ты сейчас и займёшься.

Он выдвинул ящик стола и достал чёрный конверт — та-кой же, как тот, что Виктор уже видел.

— Держи. — Гриша протянул его. — Там адрес. Доедешь, отдашь лично в руки. И запомни главное правило: в процессе можно наглеть.

— Наглеть? — переспросил Виктор.

— Именно. — Гриша откинулся обратно. — Люди, кото-рым мы возим такие конверты, — народ особый. Они уважа-ют не вежливость, а характер. Будешь мямлить и кланяться — сочтут за шестёрку. А нам шестёрки не нужны. Понял?

— Понял.

— Тогда скидываю адрес. Езжай. Справишься — поговорим о деньгах.

Виктор взял конверт, поднялся. У двери обернулся.

— А что в конверте?

Гриша посмотрел на него долгим взглядом.

— А вот это, студент, тебе знать не обязательно. Пока. Всё узнаешь, если останешься.

И улыбнулся — на этот раз без тепла. Он вышел из кабинета, чувствуя на спине этот взгляд — цепкий, холодный, как прикосновение чужой ладони к затылку. Дверь закрылась за ним мягко, и в коридоре снова стало тихо, только где-то внизу гудели старые трубы. Виктор спустился по лестнице, вышел на улицу и вдохнул вечерний воздух. В руке, во внутреннем кармане рубашки, лежал чёрный конверт.

Смеркалось. Над крышами догорала узкая оранжевая полоса, и тополя вдоль улицы стояли чёрные, неподвижные. Виктор глянул в телефон. Адрес, который скинул Гриша, был на другом конце района — туда, где среди хрущёвок и панелек вырастали первые десятиэтажки.

Он сел в автобус. Тот был полупустой: у окна дремала женщина с сумкой, впереди двое подростков тыкали в один телефон на двоих, сзади монотонно гудел мужчина, разговаривая по громкой связи. Виктор сел к окну, прислонился виском к холодному стеклу и смотрел, как мимо проплывают освещённые окна чужих квартир.

«В процессе можно нагнать».

Он прокручивал эти слова в голове снова и снова, пытаясь понять, что за ними стоит. Наглеть — с кем? Перед кем? Конверт от одного из участников клуба. Значит, человек, к которому он едет, — тоже участник, или гость, или кто-то ещё. И этот человек, судя по всему, ждёт не мальчика на побегушках, а кого-то, кто умеет держать удар.

Через двадцать минут автобус высадил его на остановке у длинной девятиэтажки, выкрашенной в блеклый жёлтый. Дом был старый, с облупившимися балконами и спутниковыми тарелками, наклепленными на фасад, как заплатки. У подъезда курили двое, лениво перебрасываясь фразами.

Виктор подошёл к нужной двери. Домофон. Кнопки с цифрами, потёртая табличка с номерами квартир. Он нажал семьдесят третью и стал ждать.

Тишина. Потом щелчок, и женский голос — низкий, с хрипотцой, будто говорили после долгого молчания:

— Кто?

— От Григория, — сказал Виктор. — Из клуба «Честь».

В домофоне повисла тишина. Не короткая пауза перед ответом, а именно тишина — долгая, на десять секунд, в течение которой Виктор слышал только собственное дыхание и далёкий шум лифта. Он уже решил, что сейчас его пошлют, но динамик снова щёлкнул.

— Поднимайся, — сказал голос. — Седьмой этаж.

Дверь зажуужала. Виктор потянул её на себя и шагнул в подъезд. Пахло сыростью и чужим ужином. Лифт был ста-

рый, с деревянной кабиной и кнопкой, которая сработала только со второго нажатия. Кабина дёрнулась и поползла вверх, скрипя, как корабль в шторм.

На седьмом этаже он вышел. Коридор был длинный, тускло освещённый, с рядами обшарпанных дверей. Та, что справа, приоткрылась ещё до того, как Виктор успел поднять руку, чтобы постучать.

Из-за двери высунулась тонкая женская рука, схватила его за ворот рубашки и втащила внутрь.

Он едва устоял на ногах. Дверь захлопнулась за спиной, и Виктор оказался в прихожей — тесной, полумрачной, пропахшей табаком и дорогими духами. Перед ним стояла женщина.

Лет тридцати с небольшим. Длинные тёмные волосы рассыпаны по плечам, губы без помады, но тёмные от вина или просто от природы. На ней был халат — шёлковый, запахнувший у горла ровно настолько, чтобы была видна ложбинка между грудей и край ключицы. Ноги длинные, босые, с аккуратными пальцами. Глаза — тёмные, с тяжёлым, прямым взглядом, который Виктор уже где-то видел.

Она смотрела на него в упор, не мигая.

— Принёс? — спросила она без приветствия.

Голос был тот же, что в домофоне: низкий, с хрипотцой, от которой у Виктора почему-то зачесались ладони.

— Принёс, — ответил он.

— Ну? — она скрестила руки под грудью, и халат натя-

нулся. — Показывай.

Виктор не двинулся. Он разглядывал её так же открыто, как она его, и внутри у него нарастало то самое холодное, азартное спокойствие, которое он почувствовал вчера в парке. Гриша сказал — можно наглеть. И сейчас Виктор понял, что именно это и будет его первой проверкой.

— Конверт, — сказал он, — обычно заслуживают.

Женщина приподняла бровь. Медленно, как будто пробуя его слова на вкус. Потом уголок её рта дёрнулся вверх.

— Вот как, — протянула она. — А ты не из робких.

— А вы ждали робкого?

Она усмехнулась — негромко, низко, и от этого звука у Виктора потеплело внизу живота.

— Нет, — признала она. — Робких я не впускаю.

Она шагнула к нему — плавно, по-кошачьи, покачивая бёдрами, — и остановилась вплотную. Виктор почувствовал её запах: терпкие духи, тёплое тело, едва уловимый винный след. Она заглянула ему в глаза снизу вверх и вдруг, не отводя взгляда, опустила перед ним на колени.

— Ты мне нравишься больше, чем Гриша, — сказала она, и пальцы её легли на ремень его брюк.

Виктор стоял неподвижно, глядя, как она расстёгивает ремень — неспешно, уверенно, не отрывая от него глаз. Пряжка звякнула. Она потянула брюки вниз. Брюки соскользнули с бёдер и упали к щиколоткам. За ними — трусы. Виктор остался стоять в распахнутой рубашке, с обнажёнными бёд-

рами, и холодный воздух прихожей тронул кожу там, где она только что была прикрыта. Но холода он почти не почувствовал: его член уже наливался, поднимался от живота, и женщина смотрела на него с колен — оценивающе, спокойно, как смотрят на вещь, которую решили попробовать.

— А ты не теряешься, — сказала она, обхватив его у основания пальцами.

Ладонь у неё была тёплая, сухая, и хватка оказалась крепче, чем можно было ждать от такой тонкой руки. Она медленно провела вверх, до головки, большим пальцем размазав по ней выступившую влагу, и Виктор шумно выдохнул.

— Тебе говорили, что у тебя красивый член? — спросила она, не поднимая глаз.

— Нет, — ответил он, и голос сел.

— Значит, раньше попадались стеснительные.

Она наклонилась и, не отводя взгляда от его лица, провела языком по всей длине — от основания до самого верха, медленно, влажно, как пробуют мороженое, которое тает. Виктора прошило током от копчика до затылка. Он вцепился рукой в дверной косяк.

Женщина обвела головку языком по кругу, втянула её в рот и сжала губы плотно, как мундштук. Горячо, мокро, тесно. Она не спешила: спустилась до середины, отстранилась, оставив на коже влажную дорожку, и снова взяла глубже, на этот раз быстрее, помогая себе рукой у основания. Другая её ладонь легла Виктору на бедро и сжала.

Он смотрел на неё сверху — на тёмную макушку, на то, как губы натягиваются вокруг его плоти, как халат сползает с плеча, открывая гладкую кожу. Она подняла глаза, не выпуская его изо рта, и в этом взгляде не было ни просьбы, ни по добострастия. Только хозяйская уверенность женщины, которая знает, что делает, и знает, что ему это нравится.

— Твою мать, — выдохнул Виктор, запрокидывая голову.

Она ускорила. Головка упиралась в нёбо, язык двигался под стволем, рука работала в такт, и звук — влажный, жадный, пошлый — заполнил прихожую. Виктор положил ладонь ей на затылок, не надавливая, просто чувствуя, как двигаются мышцы под кожей, и она ответила тем, что взяла глубже, до самого горла, на секунду сжавшись, прежде чем отстраниться с влажным хлопком.

По её подбородку стекала слюна. Она утёрлась тыльной стороной ладони, не сводя с него потемневших глаз, и снова наклонилась, теперь работая быстро, жёстко, так, что Виктор почувствовал, как закручивается внизу живота тугая спираль.

— Я сейчас... — предупредил он хрипло.

Она не отстранилась. Наоборот, сжала пальцы крепче, ускорила, и когда он кончил, она взяла его глубоко, приняв всё, а потом отстранилась и вытерла губы, глядя ему в глаза. Остальное растеклось по её скуле и подбородку — густое, белое, — и она не торопилась его убирать.

Виктор стоял, тяжело дыша, опираясь спиной о дверь. Ру-

башка прилипла к лопаткам. Колени слегка дрожали.

Женщина усмехнулась и поднялась с колен, неспешно, по-прежнему глядя на него.

— Ну вот, — сказала она, облизнув нижнюю губу. — Теперь я хотя бы понимаю, за что Гриша тебя взял.

Виктор наконец спустил дыхание и усмехнулся в ответ, хотя внутри всё ещё гудело.

— Я думал, вы ждали конверт.

— А я его и жду, — она протянула раскрытую ладонь. — Просто люблю, когда посыльные не боятся. Заходишь ко мне с таким лицом — будь добр, держи марку.

Виктор натянул трусы, потом брюки, застегнул ремень. Из внутреннего кармана рубашки достал чёрный конверт и вложил ей в ладонь. Она приняла его, не взглянув, — всё ещё смотрела на Виктора, и в её глазах плясало что-то тёмное, довольное.

— А ты иди. Тебя, наверное, Гриша ждёт.

Она прошла в комнату, и Виктор слышал, как она опускается на пол у низкого столика — не на диван, а именно на пол, закинув ноги под себя, всё с тем же размазанным по лицу следом.

— Приятно было познакомиться, — бросила она из глубины квартиры, и в голосе её прозвенела усмешка. — Заходи ещё. По важным делам.

Виктор вышел в подъезд, прикрыл за собой дверь и приклонился к стене на секунду, пережидая, пока перестанут

дрожать ноги. Лифт всё так же скрипел, пахло сыростью и чужим ужином, а в голове билось одно и то же, как пульс на виске.

Он нажал кнопку. Кабина поползла вниз, и в её мутном зеркале Виктор увидел собственное отражение — растрёпанного парня в чужой клетчатой рубашке, с припухшими губами и взглядом, который сам не узнавал.

Двери разъехались. Он шагнул в ночь, сунул руки в карманы и, подняв лицо к тёмному небу, тихо прошептал:
— А куда я вообще устроился?

Глава 6

Вечером Виктор вернулся в здание клуба поздно. Фонарь над входом горел вполнакала, заливая ступени мутным жёлтым светом, а дверь уже не была заперта — Гриша, видимо, ждал его. Виктор толкнул её и вошёл в прохладный вестибюль, пахнувший старой побелкой и сыростью.

Наверху, в кабинете, горел свет. Виктор поднялся по скрипучей лестнице, мимо детских рисунков и афиш кружков, и остановился в дверях.

Гриша сидел за столом, уткнувшись в монитор. Свет экрана делал его лицо бледным, выхватывал резкие скулы и короткий ёжик под снятой кепкой. Он не обернулся на шаги, только кивнул, не отрываясь от экрана.

— Прошло удачно? — спросил он, и голос прозвучал буднично, как будто Виктор вернулся не с задания, а из булочной.

— Всё выполнил, — сказал Виктор, присаживаясь на стул напротив. — Конверт отдал.

— Вижу, — Гриша наконец оторвался от компьютера и посмотрел на него. — И как тебе брюнетка?

Виктор усмехнулся, но внутри что-то дёрнулось. Похоже Гриша близко с ней знаком.

— Знакомство прошло крайне близко, — ответил он осторожно.

Гриша хмыкнул и откинулся в кресле.

— Ну, не кипятись. Она у нас дама горячая. Не каждому так везёт с первого выхода. Другой бы на твоём месте рассказывал бы мне, что она ужасная гадина, а ты вон, живой и довольный. — Он помолчал. — Или не довольный?

— Скорее, озадаченный.

— Это пройдёт.

Гриша выдвинул ящик стола и достал белый конверт — пухлый, заклеенный небрежно. Протянул его через стол.

— Держи. Двадцать тысяч. Твоя сегодняшняя зарплата.

Виктор взял конверт. Тот был тяжелее, чем выглядел, — деньги ощущались плотной пачкой. Он не стал пересчитывать при Грише, просто сунул во внутренний карман, чувствуя, как пачка давит на грудь.

— Спасибо, — сказал он.

— Не за что. Отработал — получил. У нас всё по-честному.

В кабинете повисла пауза. Гриша снова глянул в монитор, что-то пробежал глазами, и Виктор понял: разговор не окончен, просто Гриша ждёт, когда гость сам задаст вопросы. Он откинулся на спинку стула и решил не ходить вокруг да около.

— Что это за клуб «Честь»? — спросил он прямо.

Гриша оторвался от экрана, медленно перевёл на него взгляд.

— Любопытный, — сказал он. — Это хорошо. Любопыт-

ные дольше живут.

— Не уверен, что это всегда так.

— Тут — так. — Гриша сложил руки на столе. — Клуб «Честь» — это закрытые ночные собрания. Иногда они проходят здесь, в этом здании. Участников объединяют общие интересы. Какие именно — узнаешь, когда придёт время. Пока скажу так: это люди с деньгами, с положением и с особым вкусом к жизни. Они не любят, когда им надоедают, и не прощают, когда их обманывают. Твоя работа — быть между ними и мной. Глаза, руки, ноги. Иногда — приглашения. Иногда — ещё кое-что.

— А что было в конверте? — спросил Виктор.

Гриша усмехнулся, но не зло.

— Деньги и рекомендации. Там было написано, что ей не стоит забывать при следующей встрече клуба, и кто крайне желает её видеть. — Он развёл руками. — Всё банально. Мир держится на трёх вещах: деньги, желания и люди, которые знают, как их соединить. Я как раз из третьих.

— А я теперь кто?

— А ты теперь — человек, который носит то, что соединяет. — Гриша подался вперёд. — Пока этого достаточно. Больше расскажу позже. А может, и покажу. Но не сегодня. Он глянул на часы и встал.

— У меня полно работы. Дел по горло. Так что давай, студент, дуй домой. Деньги не потеряй и не свети никому, у кого глаза завидующие.

Виктор поднялся.

— И ещё, — Гриша окликнул его уже у двери. — Брюнетке понравилось. А это дорогого стоит. Ты, главное, не расслабляйся. Первая задача — самая простая.

— Я понял.

— Ну и славно. Завтра созвонимся.

Он снова уткнулся в монитор, и Виктор вышел, чувствуя на груди приятную тяжесть денег, а в голове — ворох вопросов, на которые пока не было ответов. На улице было свежо. Ветер гнал по асфальту сухие листья, и они шуршали под подошвами, как обёртки от конфет. Виктор постоял на ступенях, поднял воротник рубашки и достал телефон.

Эконом-такси он вызвал не раздумывая. В прошлой жизни он бы поплёлся на остановку, дрожа от холода и экономя каждую сотню, но сегодня в нагрудном кармане лежала пачка, которая делала такие мелочи несущественными. Двадцать тысяч за вечер. За один вечер, за один конверт и за то, что он не струсил.

Машина приехала быстро — серая «Лада» с блестящим от дождя капотом. Водитель, немолодой мужик с усами, молча кивнул и тронулся, не спрашивая дороги. Виктор откинулся на спинку, прислонился виском к стеклу и смотрел, как за окном проплывает город.

Субботняя ночь. Витрины, вывески, люди на остановках, светофоры, отражающиеся в мокром асфальте красными и зелёными полосами. Всё это было знакомо и одновременно

ново, как будто он смотрел на свой город чужими глазами — глазами человека, который впервые за долгое время не думает о завтрашнем дне со страхом.

Он был счастлив. Странно, но именно так: счастлив. Просто и без оговорок. Счастье лежало в кармане плотной пачкой, пахло табаком и дорогими духами чужой квартиры, отдавало вкусом вина и женских губ. И Виктор, закрыв глаза, позволил себе это чувство — целиком, без привычной оглядки: а не слишком ли рано, а не отнимут ли, а не поплачусь ли я.

Нет. Сегодня не отнимут.

Машина свернула во двор общежития, и водитель притормозил у обшарпанного крыльца.

— Спасибо, — сказал Виктор, расплачиваясь.

Он вошёл в подъезд, стараясь ступать бесшумно. Вахтёрша Изольда Павловна сидела за стеклом, уткнувшись в маленький телевизор, и не подняла головы. Виктор проскользнул мимо, как тень, задержав дыхание. Лестница встретила его привычной смесью запахов — хлорка, пыль, чей-то подгоревший ужин. Он поднимался, перепрыгивая через две ступеньки, и в груди у него играла лёгкая, почти дурацкая радость.

На третьем этаже он сбавил шаг. Коридор был пуст и тускло освещён. У двери Карины он, по привычке, глянул — темно, тихо. Решил не стучать и не будить: хватит с неё утреннего визита. Пора спать.

Он уже взялся за ручку, когда соседняя дверь — Карина, значит, всё-таки не спала — распахнулась, и из неё вылетела сама девушка.

Она выскочила стремительно, с полотенцем в одной руке и какой-то баночкой в другой, и на полном ходу врезалась в Виктора. Удар вышел крепкий: она охнула, полотенце и баночка полетели в разные стороны, а сама Карина потеряла равновесие и повалилась прямо на него. Виктор попытался её удержать, но подскользнулся на чём-то — не то на кафеле, не то на собственном шоке — и они вместе рухнули на пол.

Он ударился спиной, но боли почти не почувствовал. Потому что сверху, прижимаясь всем телом, лежала Карина.

Она была в одном коротком халатике, который при падении задрался до самых бёдер, и теперь её голые ноги лежали на ногах Виктора, а горячее тело прижималось к его груди. Он чувствовал её всю — мягкую, тёплую, пахнущую мылом и чем-то сладким, — и чувствовал, как внизу живота стремительно, против воли, наливается тяжесть.

Карина не спешила вставать. Она приподнялась на локтях, глядя на него сверху вниз, и волосы её, ещё влажные после душа, упали вперёд, задев его лицо.

— Ты что, преследуешь меня? — спросила она, и в голосе её не было ни злости, ни испуга. Только тёплая, ленивая насмешка.

— Это ты на меня налетела, — ответил Виктор, слыша, как сел голос.

— Я? — она выгнула бровь. — Я просто после душа забежала к себе и хотела пойти нанести крем в туалете. А ты стоишь под моей дверью, как верный пёс.

— Я шёл к себе.

— Конечно. — Карина не двинулась. Её грудь, прижатая к его груди, вздымалась часто, и Виктор сквозь тонкую ткань чувствовал её соски — твёрдые, упирающиеся в него. От этого кровь бросилась в лицо, а член уже откровенно упирался ей в бедро.

Она это почувствовала. Глаза её потемнели, улыбка стала шире.

— А вот это, — прошептала она, — уже не про «шёл к себе».

И, не отрывая от него взгляда, медленно, едва заметно качнула бёдрами. Раз. Другой. Её бедро прошлось по его паху — нарочито медленно, как будто случайно, но Виктор точно знал: ни черта это не случайно. Его член отозвался резкой пульсацией, и он невольно втянул воздух. Он лежал, боясь шевельнуться, но не от страха. Карина нависала над ним, упираясь ладонями в пол по обе стороны от его головы, и её мокрые волосы капали ему на ключицы — холодные капли на разгорячённой коже. Халатик окончательно распахнулся, и Виктор краем глаза видел её грудь — тяжёлую, с бледными сосками, вздрагивающую при каждом её движении.

— Ты вообще собираешься вставать? — спросил он, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— А зачем? — Карина наклонилась ниже, и её губы оказались у самого его уха. — Мне и так удобно.

Она снова качнула бёдрами, на этот раз откровеннее, и Виктор почувствовал, как её бедро проезжается по всей длине его члена, натянувшего ткань штанов. Он вцепился пальцами в холодный пол, чтобы не схватить её за бёдра.

— Карина, — выдохнул он.

— Что? — невинно отозвалась она. — Я просто лежу. Ты первый на меня налетел.

— Это ты вылетела.

— Детали. — Она улыбнулась и провела кончиком носа по его щеке. От неё пахло мылом, мокрыми волосами и чем-то тёплым, отчего у Виктора помутилось в голове. — Скажи честно, Нестеров, ты всегда такой быстрый или это я на тебя так действую?

— Ты, — признался он.

— Молодец, — прошептала она. — Люблю честных.

Её рука скользнула вниз, по его груди, по животу, и остановилась на бедре — не касаясь паха, но так близко, что Виктор слышал, как грохочет собственная кровь. Она смотрела ему в глаза и медленно облизнула нижнюю губу.

И в этот момент в дальнем конце коридора раздались шаги.

Они донеслись от лестницы — тяжёлые, неторопливые, с характерным поскрипыванием подошв по линолеуму. Кто-то поднимался на этаж.

Карина и Виктор замерли одновременно. Глаза её на мгновение стали трезвыми, собранными, и в них мелькнуло что-то, чего Виктор не успел прочитать.

— Чёрт, — прошептала она.

В следующую секунду она уже соскочила с него — легко, пружинисто, как кошка, — и вскочила на ноги. Виктор поднялся следом, поправляя одежду. Шаги приближались, уже раздавались совсем рядом, за поворотом.

Карина быстро одёрнула халатик, подхватила с пола полотенце и баночку и, не глядя на Виктора, отступила к своей двери. Виктор дёрнул ручку своей — та, к счастью, была не заперта. Он нырнул в комнату и прикрыл дверь, оставив узкую щёлку.

Из-за поворота показался Димка. Он шёл, сонно покачиваясь, с полотенцем на плече и в тапочках на босу ногу. Увидев Карину, он на секунду замер, потом расплылся в улыбке.

— О, Каринка. Не спится?

— В душ иду, — отозвалась она ровно, будто и не было ничего.

— А чё такая растрёпанная?

— Голову сушила, — Карина пожала плечом. — Не твоё дело, Горелов.

Димка хохотнул и прошёл мимо, шаркая тапками. Когда его шаги стихли за дверью душевой, Карина повернулась к щели, в которой стоял Виктор, и едва заметно покачала головой, губы её дрогнули в усмешке.

— Повезло, — сказала она шёпотом. — В следующий раз не прощу.

— В следующий раз? — так же тихо переспросил Виктор.

— А ты как думал. — Она шагнула ближе, так, что их разделяла только приоткрытая дверь. — Второе желание созрело. Так что готовься, студент.

Виктор нахмурился.

— Ты же говорила, на следующей неделе.

— А сегодня что, не следующая неделя? — Карина склонила голову к плечу. — Завтра воскресенье, понедельник — учёба. Так что, считай, уже.

— И что за желание?

Она помолчала, разглядывая его, и улыбнулась — уже не лениво, а по-деловому, с той самой остринкой, которую Виктор запомнил с первого дня.

— Совместный проект, — сказала она. — В университете сейчас конкурс на лучший творческий проект на свободную тему. Победителю — поездка, грамоты и, главное, заметность. Так вот, второе желание — победа в этом конкурсе. И работать мы будем вместе.

Виктор уставился на неё.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно. — Она поправила мокрые волосы. — Подать заявку надо в понедельник. Так что времени у тебя — чуть больше суток, чтобы придумать, чем мы будем всех рвать. Идеи приветствуются, но без глупостей.

— Карина, — Виктор потёр переносицу, — я вообще не понимаю, что за конкурс и какой проект.

— Узнаешь. Я тебе завтра всё скину. А пока — подумай. Ты же у нас, говорят, с головой дружишь.

Она потянулась к нему, быстро, по-кошачьи, и поцеловала в щёку — коротко, но ощутимо, оставив на коже влажный след. Потом отстранилась, прижала полотенце к груди и, не оглядываясь, пошла по коридору к душевым — томной, покачивающейся походкой, от которой у Виктора снова что-то сжалось внизу живота.

— Спокойной ночи, Нестеров, — бросила она, не оборачиваясь.

— Спокойной, — ответил он, глядя ей вслед.

Дверь за ней закрылась, и Виктор, наконец, выдохнул. Прислонился к косяку, закрыл глаза. Губы горели в том месте, где она его поцеловала, а перед глазами всё ещё стояла она — в распахнутом халатике, с твёрдыми сосками и этой усмешкой.

Он тряхнул головой, отгоняя наваждение, и вошёл в комнату.

Димка ещё не вернулся из душа. Виктор скинул рубашку, бросил её на спинку стула и сел на кровать. В комнате было темно, только уличный фонарь рисовал на потолке косые полосы света. Он посидел так несколько минут, приводя мысли в порядок, потом услышал, как хлопнула дверь душевой и в коридоре зашаркали тапки соседа.

Димка ввалился в комнату, шурясь после темноты, и плюхнулся на свою кровать.

— Видел тебя, — сказал он вдруг.

Виктор замер.

— Чего? — осторожно спросил он.

— Ну, не видел. Слышал. Ты в коридоре с Каринкой шушукался. — Димка хохотнул в подушку. — Только не ври, что это не ты. У неё такой голос, что за версту слышно.

Виктор помолчал.

— Ну, шушукались, — признал он. — Не ври только, что ты сам к ней не подкатывал.

— Подкатывал. И получил от ворот поворот. — Димка повернулся на спину, заложив руки за голову. — Она, брат, из тех, кто сама выбирает. А выбрала, похоже, тебя. Так что готовься.

— К чему?

— К тому, что я теперь буду тебе завидовать молча и по-доброму. — Он зевнул. — И к тому, что она тебя сожрёт и не подавится.

Виктор невольно усмехнулся.

— Это я уже понял.

Они помолчали. В комнате было слышно, как за стеной капает вода и как где-то далеко, на первом этаже, бормочет телевизор вахтёрши.

— Слушай, Дим, — сказал Виктор. — У меня к тебе дело.

— Ну?

Виктор поднялся, подошёл к столу и, не зажигая света, вытащил из кармана конверт. Отсчитал несколько купюр — половину, как и задумал, — и положил на стол перед Димкой. В темноте деньги едва угадывались, но шорох бумаги был красноречивее любых слов.

— Это что? — Димка приподнялся на локте.

— Десять тысяч. Купи продуктов к нам в комнату. Нормальных, не лапшу и не доширак. Мясо, сыр, хлеб, что-нибудь к чаю. Я устал жрать всухомятку.

Димка сел, уставившись на пачку.

— Десять тысяч? Ты банк ограбил, что ли?

— Нет. Подрабатываю теперь. — Виктор вернулся на кровать. — В администрации одного клуба по интересам. платят прилично, если не задавать лишних вопросов.

— А ты не задаёшь?

— Я задаю. Просто не вслух.

Димка хмыкнул, покрутил купюры в руках, будто проверяя на подлинность, и убрал на тумбочку.

— Ладно, продукты завтра закажу. Но если ты влез в какую-нибудь хрень, я тебя сам сдам вахтёрше.

— Она меня уже почти сдала за кошку.

— Тогда в полицию.

Виктор рассмеялся негромко.

— Договорились. В полицию — сдавай. Только сначала купи пожарть.

Димка улёгся обратно, но видно было, что сон у него про-

шёл. Он ещё поворочался, потом достал телефон и принялся что-то листать, подсвечивая лицо голубым.

— Значит, так, — бормотал он. — Сыр... колбаса... картошка... О, гречка по акции. Хочешь гречку?

— Хочу.

— Тогда завтра к обеду будет как в ресторане.

Виктор улыбнулся в темноту и закрыл глаза. Разговор с Димкой вышел лёгким, почти семейным, и от этого стало спокойно. Впервые за день он почувствовал, что может вот так просто лежать в своей кровати, слышать, как сосед шуршит телефоном, и никуда не спешить.

В этот момент телефон у него самого коротко звякнул.

Он потянулся за ним. Сообщение от Лизы.

Виктор открыл и замер.

С экрана на него смотрело фото. Лиза лежала в кровати, прижимая к себе Кезу, и улыбалась — сонно, по-домашнему. На ней была тонкая ночнушка, которая при съёмке задралась вверх, открывая плоский, красивый живот с ямочкой пупка и мягкий изгиб бёдер. Свет в кадре был тёплый, ночной, и от него вся картинка казалась уютной, почти интимной.

Под фото стояла подпись: «Кеза передаёт привет. И я тоже».

Виктор сглотнул. Большим пальцем он провёл по экрану, будто это могло приблизить её, рассмотреть лучше, и поймал себя на том, что улыбается как дурак.

«Не может быть лучшего завершения дня», — написал он.

Ответ пришёл почти сразу.

«Лучшее — это воздушный поцелуй. Держи».

И следом — смайлик.

«Спокойной ночи, Виктор».

«Спокойной ночи, Лиза», — набрал он.

Он хотел добавить что-то ещё, но не стал. Положил телефон на грудь и уставился в потолок, где всё ещё плясали полосы от фонаря.

Перед глазами, сменяя друг друга, проплывали картины этого безумного дня: утренняя Карина в ночнушке, чёрный конверт, лестница культурного центра, Гриша с календарём с котом, автобус, десятиэтажка, и — поверх всего, ярче всего — женщина на коленях в полумраке прихожей, её тёмные глаза снизу вверх, её губы, её голос: «Ты мне нравишься больше, чем Гриша».

Он закрыл глаза, и тело снова отозвалось на это воспоминание — теплом, тянущим вниз живота.

Подработка. Лиза. Карина. И эта безымянная брюнетка, показавшая ему высший пилотаж.

Всё это как-то увязывалось в один узла, который в понедельник, надо будет начинать распутывать.

Виктор перевернулся на бок, сунул телефон под подушку и улыбнулся. А куда я вообще устроился?

Виктор долго лежал с открытыми глазами, слушая, как за стеной капает вода, как поскрипывает под ветром старая рама, как ровно, по-детски, посапывает Димка.

День, начавшийся с солнца в окне, заканчивался по-другому. Не было ни той пустоты, к которой он привык за прошлую жизнь, ни той липкой тревоги, которая обычно приходила по ночам вместе с мыслями о деньгах и завтрашнем дне. Вместо неё в груди лежало тёплое, сытое спокойствие — и под ним, глубже, что-то ещё, похожее на азарт.

Подработка. Клуб «Честь». Гриша, который не сказал главного, но дал понять, что это только начало. Десять тысяч за вечер — и женщина в шёлковом халате, оставшаяся без имени, но не без следа. Виктор помнил её взгляд снизу вверх, тёмный и голодный, помнил, как она обхватывала его губами, как слюна стекала по её подбородку, как она проглотила всё, не поморщившись. Высший пилотаж. С этим не поспоришь.

И всё же не она занимала его мысли в эти минуты.

Лиза. Фото с кошкой. Задравшаяся ночнушка, плоский живот, тёплая улыбка. «Кеза передаёт привет. И я тоже». Виктор снова мысленно открыл это фото — и почувствовал, как внутри всё теплеет, но уже не тем грубым жаром, что охватил его в прихожей брюнетки, а чем-то мягче, тоньше. С Лизой было иначе. С ней не хотелось спешить.

А Карина... Карина поставила его перед фактом: совместный проект, победа в конкурсе, заявка в понедельник. Он даже не знал, с какой стороны подступиться к «творческому проекту на свободную тему». Зато знал другое: эта девушка не просит, а ставит условия, и отказываться от её желаний

— себе дороже. Она умела заставить его согласиться на то, чего он сам не понимал, одним только движением бёдер и поцелуем в щёку.

Виктор усмехнулся в темноту.

Три женщины. Три разных чувства. И одна подработка, которая уже успела показать ему больше, чем первая попытка на жизнь.

Он перевернулся на другой бок, поправил подушку и накрылся одеялом до подбородка. Завтра воскресенье. Потом понедельник — пары, заявка на конкурс, и, если Гриша позвонит, новые поручения.

— Ничего, — прошептал он самому себе, закрывая глаза.
— Разберусь.

И провалился в сон — впервые за долгое время без единого кошмара.

Глава 7

Воскресенье встретило тишиной. За окном лишь облака, без солнца. Небо было ровного серого цвета, как натянутое полотно, и только у горизонта, над крышами, проступала бледная жёлтая полоса. Виктор проснулся оттого, что в комнате стало непривычно свежо — Димка на ночь приоткрыл форточку, и теперь из неё тянуло сырым асфальтом и остывшей листвой.

Он полежал, глядя в потолок, потом встал. Тело отозвалось приятной, ровной силой — ни вчерашней усталости, ни утренней мутной тяжести, к которой он привык за прошлую жизнь. Молодость, подумал он, это не только возраст. Это когда спишь шесть часов, а просыпаешься так, будто тебя заново собрали.

Димка спал, накрывшись с головой, из-под одеяла торчала голая пятка. Виктор взял полотенце, вышел в коридор и направился в душевую. Вода была тёплая, почти горячая — по воскресеньям утром её хватало на всех. Он стоял под струями, уперевшись ладонями в кафель, и чувствовал, как вода смывает с него остатки вчерашнего дня: запах чужой квартиры, табака, женских духов, тот тёмный жар, который ещё ночью вспыхивал внизу живота при одном воспоминании.

Когда он вернулся, Димка уже сидел на кровати, растрёпанный, и смотрел в телефон.

— Курьер через полчаса будет, — сообщил он. — Я вчера всё заказал. Так что готовься, сейчас притащим гору еды.

— Я готов.

Курьер приехал раньше. Сбегали вниз, и через десять минут вдвоём таскали на третий этаж бумажные пакеты с логотипом супермаркета. В комнате их встретил запах свежего хлеба и каких-то специй, которые просыпались в дороге. Они разложили всё по полкам: крупы, макароны, масло, сыр, колбаса, хлеб, чай, сахар, пара банок консервов на чёрный день. Не хватало только овощей, фруктов и мяса.

— Это я сам, — сказал Димка, заглядывая в опустевшие пакеты. — Мне, знаешь, хочется разобраться, как это делается. Ну, рынок, мясо там, выбрать у бабки картошку. Чтобы не как все — понабрать и уйти. А по-настоящему.

Виктор усмехнулся.

— Ты вчера хотел стать ресторатором, а сегодня уже в мясники подался.

— А что? — Димка натянул куртку. — Мужчина должен уметь выбрать мясо. Это, между прочим, основа.

— Основа чего?

— Основы. — Димка сунул ноги в кроссовки. — Ладно, я на рынок. Вернусь — сварю тебе такой суп, что ты на своей подработке рассказывать будешь.

Он хлопнул дверью, и в комнате стало тихо. Виктор остался один.

Тишина, которая раньше давила, теперь была почти при-

ятной. Он сел на кровать, посмотрел на полки с продуктами, на ровные ряды банок и пакетов, и впервые за долгое время почувствовал, что это место похоже на дом. Не на общежитие, а именно на дом, где есть еда, тёплый чай и человек, который обещает сварить суп.

Потом он перевёл взгляд на телефон.

Родители.

Эта мысль пришла не вдруг — она сидела в нём с ночи, с того самого воспоминания, которое он не дал себе досмотреть. Мать, спрашивавшая, тепло ли он одевается. Отец, молчавший в трубку. Похороны, на которые он не приехал.

Виктор взял телефон и подержал его в ладони, чувствуя, как вспотели пальцы. Номер отца он помнил наизусть — столько лет не набирал, а цифры всё ещё стояли перед глазами, будто выжженные. Он набрал, не давая себе времени передумать.

Гудки.

Один. Второй. Третий.

Виктор слышал, как гулко бьётся сердце, и не мог понять, откуда взялся этот мандраж. Он пережил смерть, предательство, двадцать лет одиночества — и не мог спокойно дожидаться, пока отец возьмёт трубку.

Четвёртый гудок. Пятый.

Потом щелчок, и мужской голос — глухой, настороженный, будто человек взял трубку против воли:

— Слушаю.

— Пап, — сказал Виктор, и голос его сел. — Это я.

В трубке повисла пауза. Виктор слышал, как отец дышит, как где-то на заднем плане шумит вода.

— Ну, — сказал отец. — Явился.— Ну, — повторил Виктор, и голос его прозвучал чужим, сдавленным. — Явился.

Отец помолчал. Виктор слышал, как он отодвинул что-то — то ли стул, то ли чашку по столу.

— И что, — произнёс отец, — решил вспомнить, что у тебя родители есть?

— Я не забывал.

— Ну да. — В голосе отца прорезалась та самая холодная усмешка, которую Виктор помнил с детства: не злая, а усталая, как у человека, который давно перестал ждать. — Звонишь раз в месяц, а то и в два. Трубку не берёшь. Мать себе места не находит, а ты — «не забывал».

Виктор закрыл глаза. Ему хотелось сказать многое: что он помнит, что он вернулся не для того, чтобы снова всё разрушить, что в прошлой жизни этот разговор окончился так же и что он не хочет, чтобы так было сейчас. Но язык не слушался. Вместо слов из горла выходила только старая, знакомая глухота.

— Пап, я звоню, потому что хочу поговорить.

— Ну говори, — бросил отец. — Только не надо опять про то, как мы тебя не понимаем. Мы всё поняли. Ты уехал, ты взрослый, тебе не до нас. Всё нормально.

— Да не нормально! — Виктор сам не заметил, как по-

высил голос. — Мне восемнадцать, я живу в общежитии, ем что придётся, а вы даже не спросите, как я!

— А ты расскажешь? — Отец тоже завёлся, голос его окреп, загудел в трубке. — Ты же у нас гордый. Тебя спросишь — ты зубы сжимаешь и молчишь. Вот я и не спрашиваю. Чего лезть, если до нас дела нет?

— Как это нет? Я звоню. Вот сейчас звоню.

— Сейчас! А до этого что? Три недели тишины! Мать вон уже к телефону прилипла, всё ждёт, вдруг позвонишь. А ты не звонишь. И не пишешь. И не приезжаешь. Я уж молчу про то, что ты вообще о нас думаешь.

Виктор вцепился в телефон. Внутри всё дрожало — не от обиды, а от бессилия. Он знал, чем кончаются такие разговоры. Слово за слово, и вот уже оба орут, а потом бросают трубку, и месяц тишины, и год тишины, и похороны, на которые он не успеет.

— Пап, — сказал он, стараясь говорить ровно. — Я не для того звоню, чтобы ссориться.

— А для чего?

— Чтобы сказать, что я вас люблю. Обоих.

В трубке стало тихо. Так тихо, что Виктор услышал, как на кухне, далеко-далеко, капает кран.

— Что? — переспросил отец, и голос его дрогнул.

— Я вас люблю, — повторил Виктор. — И хочу приехать. На следующих выходных. Если пустите.

Отец молчал. Виктор ждал, чувствуя, как горят щёки, как

колотится где-то в висках.

— Сынок, — сказал отец, но не успел договорить: в трубке послышался шорох, женский голос, быстрые шаги.

— Витя? Витенька! — Мать, судя по всему, выхватила трубку. Голос её сорвался, задрожал. — Ты звонишь? Ты как? Ты тепло одеваешься?

— Мам, — выдохнул Виктор, и к горлу подступил ком. — Всё хорошо. Тепло.

— Мы скучаем, — сказала она быстро, как будто боялась, что её перебьют. — Очень скучаем. Ты только звони, ладно? Не пропадай. А то отец вон ходит сам не свой, а мне и сказать некому.

— Мам, я приеду.

— Приезжай! — Она всхлипнула, и Виктор услышал, как отец что-то буркнул рядом, но мать не отдала трубку. — Приезжай, сынок. Мы всегда рады.

— Я на следующих выходных приеду, — повторил он.

— Мы ждём. Слышишь? Ждём.

Голос её сорвался, и она, кажется, заплакала, потому что в трубке что-то хлюпнуло, а потом отец сказал негромко, уже не в трубку, а ей:

— Ну хватит, дай сюда.

Но мать не дала. И Виктор, слушая её дыхание, чувствовал, как по щеке ползёт что-то горячее.

— Мам, я не пропаду больше, — сказал он. — Обещаю.

— Обещаешь?

— Обещаю.

— Ну всё, — она шмыгнула носом. — Иди, сынок. А то я сейчас совсем расклеюсь. Ты главное — поешь и оденься теплее.

— И ты, мам. Береги себя.

Он сбросил вызов и откинулся на кровать. Потолок плыл перед глазами. Виктор прижал ладонь к лицу, чувствуя, как дрожат пальцы.

Не так он представлял этот разговор. Хотел по-взрослому, спокойно, а вышло по-детски, с криком и слезами. Но впервые за двадцать лет этот разговор не оборвался тишиной. Впервые он сказал вслух то, что так долго носил в себе, и мир не рухнул.

Он лежал и смотрел в потолок, на лампу без абажура. Внутри было странно: пусто и легко одновременно. Словно он вынул из груди камень, который таскал всю прошлую жизнь, и теперь не знал, как жить без этой тяжести.

Потом он сел, взял телефон и написал маме:

«Мам, извини за всё. Мне надо было уехать, чтобы понять. Но теперь я хочу, чтобы мы общались как раньше. Нет, лучше, чем раньше. Я вас люблю и приеду в следующие выходные. Только не плачь».

Ответ пришёл через минуту:

«Не плачу. Уже не плачу. Приезжай, сынок. Мы тебя ждём. Папа тоже ждёт, только молчит, ты же его знаешь».

Виктор улыбнулся и убрал телефон в карман.

В комнате стало душно. Он поднялся, накиннул куртку и вышел в коридор. Там пахло хлоркой и сыростью, но воздух был прохладный, и Виктор вдохнул его полной грудью. Всё ещё дрожали колени, но это была уже не дрожь злости, а что-то другое, живое.

Он спустился вниз, кивнул Изольде Павловне, которая проводила его подозрительным взглядом, и вышел на улицу.

Воскресный двор был пуст и тих. Пахло мокрой землёй и прелыми листьями. Виктор шёл, засунув руки в карманы, и чувствовал, как с каждым шагом отпускает. Родители живы. Мать плакала, но не от горя. Отец не бросил трубку.

Он остановился у старой липы, привалился спиной к стволу и поднял лицо к серому небу. Оттуда, с высоких ветвей, срывались редкие капли.

— Ну что, — прошептал он самому себе. — Кажется, получилось. Он постоял так ещё немного, чувствуя, как от дерева тянет холодом и как постепенно, толчками, возвращается спокойствие. Потом достал телефон и открыл чат с Лизой. Пальцы сами нашли нужные буквы.

«Занята сейчас?»

Ответ пришёл не сразу. Виктор успел дойти до конца двора, мимо ржавой детской площадки и покосившейся беседки, прежде чем телефон коротко звякнул.

«Нет. А что?»

«Прогуляемся?»

Пауза. Потом:

«Я вообще-то ещё в пижаме. Но если подождёшь полчаса, то да, приходи».

Виктор улыбнулся.

«Подожду. Буду внизу через тридцать минут».

«Тогда я побежала краситься. Или хотя бы причесаться».

Он убрал телефон и вышел со двора. Настроение, сбитое утренним разговором, потихоньку выправлялось, как выпрямляется примятая трава. Родители живы, мать ответила, отец не бросил трубку — и Лиза согласилась. Воскресенье, ещё недавно серое и вязкое, вдруг сделалось лёгким.

До её дома было недалеко. Виктор шёл по тротуару, вдыхая запах мокрых листьев, и разглядывал город, который в этот час казался притихшим, почти сонным. Редкие прохожие, старушка с тележкой, подросток на самокате. Жизнь текла ровно, без спешки.

На углу он заметил цветочный. Небольшая палатка, заставленная вёдрами с розами, хризантемами и ещё чем-то ярким, отчего у серого дома будто светлело окно. Виктор замедлил шаг, сам не зная зачем, а потом решительно толкнул дверь.

Внутри пахло влажной зеленью и чем-то сладковатым. За прилавком стояла продавщица — молодая, с копной каштановых волос, собранных в небрежный пучок, и с лицом, на котором усталость не могла спрятать улыбки. Увидев Виктора, она оторвалась от телефона и выпрямилась.

— Добрый день, — сказала она. — Вам подсказать?

— Да, — Виктор обвёл взглядом вёдра. — Что-нибудь светлое. Белое.

— Белые лилии, — она кивнула на высокое ведро, где стояли длинные стебли с тугими, ещё не раскрывшимися бутонами. — Свежие, утром привезли. Долго стоят.

— Красивые.

— Слишком уж пахучие, — она улыбнулась. — Но если девушка любит сильные запахи — то самое.

— Мама любит, — сказал Виктор, разглядывая бутоны.

Продавщица подняла бровь.

— Цветы маме? Это мило.

— К слову пришлось, — Виктор усмехнулся. — Вообще люблю, когда у человека хороший вкус.

— Надо же. — Она наклонилась, вытащила три стебля, ловко срезала концы и принялась заворачивать их в бумагу. Пальцы у неё были быстрые, точные. — Тогда выбирайте: три или пять?

— Три. Три белых лилии.

— Отлично. — Она перевязала букет лентой, протянула его Виктору и, когда тот взял, задержала его руку: провела кончиками ногтей по запястью — легко, почти невесомо. — Надеюсь, они вам принесут удачу.

Виктор поднял на неё глаза. Она не смутилась, только улыбнулась ещё шире, и в этой улыбке не было ничего случайного.

— Спасибо, — сказал он.

— Вам спасибо. Заходите в любое рабочее время. — Она помолчала. — Возможно найдутся темы для разговора не только о цветах.

Виктор невольно улыбнулся в ответ и вышел на улицу. В груди что-то ёкнуло — не то от этого лёгкого флирта, не то от того, как быстро всё изменилось. В прошлой жизни на него так не смотрели. А если и смотрели, он не замечал.

Он шёл к дому Лизы, прижимая букет к груди, и думал о том, как странно устроена уверенность. Она не берётся из денег, не приходит с возрастом. Она начинается с того, что ты наконец позволяешь себе идти туда, куда тянет, не спрашивая разрешения у собственного страха.

У подъезда он остановился. Знакомый двор, детская площадка, тополя. Виктор глянул на часы и прислонился к стене, вдыхая запах лилий — густой, сладкий, почти одуряющий.

Через несколько минут дверь подъезда хлопнула, и вышла Лиза.

Она была в светлом пальто, из-под которого выглядывало простое платье, и с распущенными рыжими волосами, ещё чуть влажными после душа. Увидев Виктора, она остановилась, и глаза её расширились.

— О боже, — выдохнула она, заметив букет. — Это мне?

— Тебе. — Виктор шагнул к ней и протянул лилии. — Они белые. Я подумал, тебе пойдёт.

Лиза взяла букет осторожно, как что-то хрупкое, и под-

несла к лицу. Вдохнула — глубоко, прикрыв глаза.

— О боже, Виктор, — повторила она, и голос её дрогнул.
— Откуда ты узнал, что я их обожаю?

— Моя мама их любит. А я подумал, что мне интересно узнать, как к ним относишься ты.

Лиза подняла на него глаза, и в них блеснуло что-то мокрое, тёплое.

— Ты невыносимый, — сказала она, но губы её улыбались.

Она прижалась к нему — не крепко, не то объятие, а скорее просьба побыть рядом, — и Виктор почувствовал её запах: ваниль, цитрус и что-то ещё, едва уловимое, от чего голова на миг стала лёгкой, как после глотка вина.

Он не хотел отпускать её. И не отпускал, пока она сама не отстранилась.

— Разреши, я выскользну на минутку, — прошептала она, кивнув на букет. — Поставлю цветы в воду, чтобы не завяли. Подождёшь меня?

— Конечно.

— Только никуда не уходи.

— Я никуда не уйду.

Она улыбнулась и скрылась в подъезде, а Виктор остался стоять, глядя ей вслед.

И в этот момент в кармане зазвонил телефон.

Он глянул на экран — и сердце пропустило удар. Мама. Виктор снял трубку.

— Мам?

В трубке что-то всхлипнуло, сбивчиво, страшно. Голос матери прорвался сквозь помехи, дрожащий, рваный:

— Витя... сынок... приезжай. Пожалуйста, приезжай. Папу скорая увезла.

Мир вокруг на секунду остановился. Лицо обдало холодом, хотя на улице было безветренно.

— Что случилось? — спросил он, и собственный голос показался ему чужим, деревянным.

— Он упал. Со стремянки. — Мать заплакала в трубку. — Витя, он упал, понимаешь? Головой...

Виктор прислонился спиной к холодной стене подъезда.

— Мам, вы где? В больнице?

— Нет... я ещё дома. Вещи ему собираю. Врачи сказали — вещи ему привезите. А я не могу, руки трясутся...

— Жди меня, — сказал Виктор. — Никуда не уезжай. Я сейчас буду.

— Сынок...

— Я сейчас буду, мам. Слышишь? Жди меня.

Он сбросил вызов и уставился на экран. В висках стучало. Перед глазами стояло лицо отца — то самое, из воспоминаний, спокойное и чужое, с похорон, на которые он опоздал.

Нет. В прошлой жизни. Тогда. Но не сейчас.

Он трясущимися пальцами открыл приложение такси. Машина, адрес, ещё раз адрес — он сбивался, стирал, набирал заново. Внутри всё кричало: вдруг это из-за утренне-

го звонка? Вдруг отец, расстроенный, полез на эту чёртову стремянку и сорвался?

Он не знал. И не мог проверить, был ли отец в больнице в прошлой жизни, потому что тогда он просто не звонил. Так-си он вызвал и снова уставился в телефон, как в пропасть. На экране горел кружок поиска машины, и Виктор гипнотизировал его, боясь моргнуть. Мысли неслись вразнобой, как листья под ветром: стремянка, голова, скорая, вещи, мамин голос. И сквозь всё это — глупое, липкое, как страх ребёнка: вдруг это из-за него. Из-за утреннего разговора. Из-за того, что он, наконец, позвонил и разбередил отцу душу, а тот, злой и расстроенный, полез на эту чёртову стремянку.

Он не мог проверить. В прошлой жизни он не звонил родителям. Не знал, падал ли отец тогда, лежал ли в больнице, умирал ли. В прошлой жизни он просто жил дальше, не спрашивая, живы ли они, и узнал всё слишком поздно — тогда, когда уже нечего было исправлять.

Телефон коротко звякнул: машина найдена. Водитель в двух минутах. Виктор поднял голову и увидел Лизу.

Она выходила из подъезда, и улыбка ещё держалась на её губах, но погасла, как только Лиза взглянула на его лицо.

— Виктор? — она остановилась в двух шагах, и голос её прозвучал осторожно, точно она боялась спугнуть. — Что случилось?

— Мне надо уехать. Срочно.

Он сказал это раньше, чем успел подумать, и слова вышли

сухими, чужими. Лиза смотрела на него, не понимая, и от этого взгляда у Виктора защемило где-то под рёбрами.

— Что-то с родными? — спросила она.

— Отец. Скорая. — Виктор сглотнул. — Мама попросила приехать.

— О господи. — Лиза сделала шаг к нему, протянула руку, но не коснулась. — Тебе куда? Может, я с тобой? Или помочь чем-то?

— Не надо.

— Виктор...

— Правда не надо. — Он поймал её ладонь и сжал — коротко, крепко, будто хотел передать то, чего не мог сказать. — Я справлюсь.

К подъезду, мягко шурша шинами по мокрому асфальту, подкатила машина. Серая, с зелёным огоньком на крыше. Виктор глянул на неё, потом снова на Лизу. Она стояла растерянная, сжимая в руках телефон, и в глазах её было столько тревоги, что у него на миг перехватило дыхание.

— Извини, — сказал он. — За цветы, за то, что так вышло.

— Не извиняйся, — прошептала она. — Езжай.

Виктор сделал шаг к машине, но остановился, развернулся и крепко, быстро обнял её. Лиза замерла на мгновение, потом прижалась к нему — сильно, обеими руками, как будто хотела задержать, не пустить. От неё пахло ванилью и цитрусом, и Виктор на секунду позволил себе просто стоять, чувствуя её тепло.

— Всё будет хорошо, — сказал он ей в макушку, сам не зная, кому это говорит — ей или себе.

Потом отпустил, шагнул к машине и сел на заднее сиденье.

— Куда? — спросил водитель.

Виктор назвал адрес родителей, и машина тронулась. Он обернулся. Лиза стояла у подъезда, всё так же растерянная, прижимая к груди руки, и смотрела вслед. Потом город, дома, деревья сдвинулись и поехали назад, и её фигура растворилась за поворотом.

В машине пахло химозным ароматизатором и чужим табаком. Виктор откинулся на спинку и закрыл глаза. Сердце колотилось где-то в горле.

— Быстрее можно? — попросил он.

Водитель кивнул и прибавил ходу.

Город за окном летел серой, смазанной полосой. Виктор смотрел, как мелькают витрины, светофоры, фигуры людей, и впервые за долгое время не видел ничего этого. Перед глазами стояло другое: мать у телефона, её трясущиеся руки, набитая вещами сумка у двери. И отец — на больничной койке, с трубками, с затылком, разбитым о кафель.

Он тряхнул головой, отгоняя картинку.

«Нет, — сказал он себе. — Ещё не случилось. Ты живой. Он живой. Вы успеете».

Машина свернула на широкий проспект и поехала быстрее. Впереди, у светофора, горел красный. Виктор сжал ку-

лаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

Успею. Обязательно успею.

А Лиза в это время всё ещё стояла у подъезда.

Она смотрела туда, где за поворотом исчезла машина, и не двигалась. Внутри у неё что-то сжалось, неприятное и холодное. Он отказался. Она предлагала поехать с ним, а он сказал «не надо». Сказал «я справлюсь» — и уехал, оставив её стоять с этими белыми лилиями, которые теперь, кажется, пахли слишком сильно, до головной боли.

Она понимала: у него горе. Понимала, что ему не до неё. И всё равно было обидно — не за себя даже, а за то, что он не захотел чувствовать её рядом. За то, что в такой момент остался один.

Лиза сглотнула, перевела дыхание и медленно пошла обратно к подъезду. У двери остановилась, бросила последний взгляд на пустую улицу и шагнула в темноту лестницы.

«Он справится, — сказала она себе, поднимаясь по ступеням. — Обязательно справится».

И всё же на душе было беспокойно.

Глава 8

Автобус высадил его на окраине, у бетонной остановки с облупившимся расписанием. Дальше — пешком, мимо низких заборов и тёмных палисадников, по узкой дороге, которую Виктор помнил с детства и по которой не ходил, казалось, целую вечность.

Родительский дом стоял в глубине участка — скромный, одноэтажный, с покосившейся телевизионной антенной на крыше и старой яблоней у входа. Калитка была приоткрыта. Виктор вошёл во двор и остановился, чувствуя, как от знакомых запахов — сырой земли, прелой листвы, дыма из соседской печки — сдавило горло.

Мать сидела на крыльце.

Она была в накинутом поверх халата пальто, с сумкой у ног, и смотрела прямо перед собой, как человек, который уже никуда не собирается и только ждёт. Руки её лежали на коленях, и Виктор видел, как они мелко, безостановочно дрожат.

— Мам, — позвал он.

Она вздрогнула, подняла голову, и по лицу её пробежала тень — не узнала, не поверила, а потом узнала и как-то сразу обмякла, будто из неё выпустили воздух.

— Витенька... — Голос её сорвался. — Ты приехал.

Виктор подошёл, опустился перед ней на корточки и взял

её холодные ладони в свои.

— Приехал, — сказал он. — Рассказывай.

Она говорила сбивчиво, перескакивая: отец полез на стремянку поправить провод на чердаке, сорвался, ударился головой о ступеньку, потерял сознание. Врачи приехали быстро, увезли. Сказали — вещи собрать, документы, возможно, придётся остаться.

— Мам, ты не едешь, — сказал Виктор спокойно, хотя внутри всё дрожало.

— Как это не еду? Я должна...

— Ты сейчас в таком состоянии, что сама свалишься в дороге. — Он поднялся. — Я поеду в больницу. А ты останешься дома.

— Одна я не останусь, — прошептала она, и в глазах её плеснулся страх. — Не могу я одна, Витя. Стены давят.

— Я не оставлю тебя одну.

Он вспомнил: через два дома, за поворотом, жили Мария Петровна и Сергей Николаевич — старые друзья родителей. Сколько Виктор себя помнил, они были рядом: то в огород помогали, то за столом по праздникам, то просто заходили на чай. В прошлой жизни он и о них не вспоминал.

— Посиди тут, — сказал он матери. — Я быстро.

Он вышел за калитку и почти побежал по улице. Сердце колотилось, в боку кололо, но он не сбавлял шага. Дом Марии Петровны встретил его знакомым забором, выкрашенным в зелёное, и калиткой с деревянной собакой на столби-

ке.

Виктор дёрнул щеколду и уже занёс руку, чтобы постучать, когда дверь распахнулась сама.

На пороге стояла Маруся.

Он помнил её девчонкой — колючей, громкой, вечно лезущей вперёд. Теперь перед ним стояла взрослая женщина: чуть в весе, но ладная, с румяным лицом, вздёрнутым носом и глазами, в которых наглость и доброта жили, не мешая друг другу. Она уставилась на Виктора, и на лице её проступила та самая ехидная ухмылка, с которой она встречала его в детстве.

— Опа, — сказала она, скрестив руки под грудью. — Какие люди. Нестеров собственной персоной. Забыл дорогу?

— Марушь, не сейчас, — выдохнул Виктор. — У нас беда.

Ухмылка сползла с её лица мгновенно.

— Что случилось?

— Отец упал со стремянки. Скорая увезла. Мать одна, ей нельзя сейчас одной.

Маруся смотрела на него секунду, и в глазах её что-то изменилось, стало серьёзным и цепким.

— Прости, — сказала она тихо. — Я не знала.

Она развернулась и крикнула в глубь дома:

— Мам! Пап! Скорее!

В глубине загремело, послышались голоса. Через минуту на крыльцо вышли Мария Петровна и Сергей Николаевич — она в переднике, он в старой клетчатой рубашке, оба с

лицами людей, которых выдернули из обычного воскресного дня.

Виктор объяснил коротко, по-военному: что случилось, где мать, что нужно с ней побыть, пока он съездит в больницу. Мария Петровна всплеснула руками и тут же засобиралась, велев мужу взять из буфета валерьянку. Сергей Николаевич только кивнул, натягивая пиджак.

— Идём, — сказала Мария Петровна. — Идём, Витя, не стой.

Они двинулись по улице втроём, быстро, почти бегом. Виктор шагал впереди, чувствуя, как ветер обжигает щёки, и впервые за этот бесконечный день ему стало чуть легче: рядом были люди, которые не спрашивали, что делать, а просто шли помогать.

У дома родителей Мария Петровна сразу обняла мать, зашептала что-то успокаивающее, увела в дом. Сергей Николаевич задержался у калитки, хмуро оглядел стремянку, лежавшую у стены, покачал головой.

— Ты езжай, Вить, — сказал он. — Мы за матерью присмотрим. Всё будет.

Виктор кивнул и уже повернулся, когда его догнала Маруся, которая бежала от своего дома.

— погоди, — она взяла его за рукав.

Он остановился. Маруся смотрела на него снизу вверх, и в её лице больше не было ни ехидства, ни насмешки.

— Извини меня, — сказала она. — Я правда не знала. Зря

я так с порога.

— Забудь.

— Не забуду. — Она вдруг обняла его — крепко, по-свойски, прижавшись щекой к. — Ты только не рассыпайся, слышишь? Он выкарабкается.

Виктор стоял, чувствуя её тепло сквозь куртку, и что-то в нём дрогнуло. Он обнял её в ответ — неуклюже, сжато, — и почувствовал, как по щеке скатывается одна-единственная слеза, быстрая и горячая.

— Спасибо, — сказал он.

— Дурак ты, Нестеров, — прошептала Маруся ему в плечо. — Помнишь, мы в детстве всё по-простому решали? Проблемы были — яблоко на дворе поделить не могли. А теперь вон что.

— Всё когда-нибудь становится сложным.

— Ну и пусть. Ты всё равно справишься. Ты у нас живой.

Виктор усмехнулся сквозь слёзы и отстранился. Маруся хлопнула его по плечу, шмыгнула носом и отступила к калитке.

— Езжай, — сказала она. — А то на автобус опоздаешь. До больницы он добирался на перекладных: сначала автобус, потом маршрутка, потом ещё два квартала пешком под морозящим дождём. Куртка промокла на плечах, но Виктор этого не замечал. Он почти бежал к приёмному покою, лавируя между машинами скорой, каталками и людьми в белых

халатах.

Внутри пахло хлоркой, лекарствами и чужой бедой. Виктор подошёл к стойке регистрации, назвал фамилию отца. Пожилая женщина в очках долго листала журнал, потом подняла на него глаза и сказала, что Нестеров в отделении травматологии, третий этаж, и что врач сейчас освободится.

Он поднялся по лестнице, потому что лифта не дождался. На третьем этаже было тихо и пусто, только из-за одной двери доносился приглушённый говор. Виктор сел на деревянную скамейку у окна и стал ждать.

Время тянулось густо, как сироп. Он смотрел на дверь кабинета, на обшарпанные стены, на капельницу, которую провезли мимо, и внутри у него всё сжималось от неизвестности. В прошлой жизни он так и не узнал, что было с отцом. Теперь узнает. И от этого было страшнее, чем от любых догадок.

Дверь открылась, и вышел врач — немолодой, сутуловатый, с усталым лицом и седыми висками. Он глянул на Виктора поверх очков.

— Вы к Нестерову?

— Да. Сын.

— Пройдёмте.

Они зашли в кабинет. Врач сел за стол, жестом указал Виктору на стул и открыл папку с бумагами.

— Состояние у отца средней тяжести, — сказал он без предисловий. — Ушиб головного мозга, закрытая череп-

но-мозговая травма. Сотрясение. Переломов нет, это уже хорошо. Но за ним нужно наблюдать, поэтому мы его положили.

Виктор выдохнул — резко, будто его ударили под дых.

— Он... в сознании?

— Сейчас — да, но периодически сонлив. Для такой травмы это в пределах нормы. — Врач снял очки и потёр переносицу. — Мне нужны некоторые сведения. Аллергии, хронические заболевания, принимает ли препараты. Ваша мать, наверное, лучше знает.

— Я позвоню ей, — сказал Виктор, уже доставая телефон.

— Сейчас всё уточню.

Он набрал номер. Трубку взяли не сразу, и Виктор уже испугался, что с матерью что-то случилось, но потом в динамике раздался её голос — тихий, но уже не такой потерянный, как утром. Рядом с ней, судя по голосам, были Мария Петровна и Сергей Николаевич.

Виктор передал ей вопросы врача, терпеливо, по одному, и мать отвечала, а он повторял доктору: давление у отца шалит, аллергии нет, препараты — от давления, аспирин не любит, язвы нет. Врач кивал и делал пометки.

Когда разговор закончился, доктор отложил ручку.

— Ну вот, — сказал он. — Теперь всё ясно. Понаблюдаем динамику. Скорее всего, обойдётся без последствий, но до среды включительно лучше не дёргаться. Раньше среды увидаться с ним не выйдет — палата реанимационного наблю-

дения, туда не пускают.

— До среды, — повторил Виктор.

— Да. Приедете в четверг, поговорите с лечащим врачом, там уже будет понятнее. А пока — звоните, справляйтесь.

Виктор поднялся.

— Спасибо вам.

— Не за что. — Врач впервые за весь разговор посмотрел на него не устало, а по-человечески, с той спокойной теплотой, которая бывает у людей, привыкших иметь дело с чужим страхом. — Отцу повезло, что вы рядом. Многие приходят, когда уже поздно.

Виктор кивнул и вышел.

В коридоре он сел на ту же скамейку, откинулся к стене и закрыл глаза. Внутри всё ещё дрожало, но теперь эта дрожь была другой — не от страха, а от облегчения, которое накатило так резко, что закружилась голова.

Жив. Отец жив. Ушиб, сотрясение, наблюдение — но жив. И он, Виктор, успел. Успел узнать, успел приехать, успел быть рядом.

Он вдруг подумал о подработке. Деньги Гриши пришлись как нельзя кстати: отец теперь неделю, а то и больше, не сможет работать, а им с матерью понадобится помощь — лекарства, дорога, может, сиделка. Оставшиеся пять тысяч в кармане вдруг перестали быть абстрактной пачкой и превратились в очень конкретную, необходимую опору, однако Виктор понимал, что надо связаться с Гришей и просить снова

подроботать.

И тут же голова заныла — тупо, в висках, как это бывало в прошлой жизни после бессонных ночей. Виктор поморщился и потёр лоб. Нервы. Слишком много за один день.

Он снова взял телефон и набрал мать. На этот раз трубку взяла Маруся.

— Алло? Вить, это я.

— Как она? — спросил он.

— Спит, — голос Маруси был негромкий, но твёрдый. — Мария Петровна её валерьянкой напоила и уложила. Так что ты не переживай, я с ней посижу. Мама с папой домой пошли, им тоже надо отдохнуть и всё переварить.

— Спасибо, — сказал Виктор и сам удивился, как много вложилось в это слово.

— Да брось. — Маруся помолчала. — Ты сам-то как? Что в больнице?

— Жив. Ушиб, сотрясение. До среды не пускают, но жив.

— Ну и слава богу. — Она шумно выдохнула. — А ты езжай в общагу, отдохни. Я тут останусь, присмотрю. Завтра мама подменит.

— Точно?

— Нестеров, я сказала — присмотрю. Ты меня знаешь, я слов на ветер не бросаю. — И Виктор почти увидел, как она улыбаётся в трубку, по-свойски, по-деревенски. — Всё, дуй домой. И поешь, слышишь? А то с лица спал.

— Ладно, — он усмехнулся. — Спасибо, Марусь.

— Пожалуйста. Всё, отбой.

Она сбросила вызов. Виктор посидел ещё немного, глядя в окно на серый двор больницы, потом поднялся и пошёл вниз, к выходу.

Дождь к тому времени кончился. Воздух был сырой и холодный, но Виктор вдохнул его с наслаждением. Он стоял на крыльце больницы, смотрел, как по асфальту расплзаются лужи, и впервые за день позволил себе просто не думать ни о чём.

Потом он сел в автобус и поехал в общежитие. В автобусе было почти пусто. Виктор сел у окна, прижался виском к холодному стеклу и смотрел, как за окном, в сгущающихся сумерках, проплывают редкие дома, голые деревья, жёлтые окна. Усталость навалилась разом, тяжёлая, свинцовая, и он на какое-то время отключился, не заметив, как задремал.

Очнулся от того, что водитель резко затормозил. Виктор вздрогнул, глянул в окно — нужная остановка. Он поднялся, шагнул к выходу и прыгнул на мокрый асфальт.

До общежития было два шага. Он шёл, засунув руки в карманы, и чувствовал, как тело ноет от усталости, а в голове всё ещё гудит после больницы. День, начавшийся с тихого серого утра, перемолол его целиком, но оставил внутри странное чувство — не пустоту, а что-то вроде твёрдой, спокойной уверенности: он успел. И с отцом, и с матерью, и с Марусей, которая не дала ему рассыпаться.

У самого входа он остановился.

На ступенях, прислонившись к перилам, стояла Люда Соколова.

Виктор узнал её сразу — по осанке, по красивым ногам, сейчас обутым в средний длины каблук, по тому, как она стояла, чуть выставив бедро и скрестив руки. Она смотрела прямо на него, и во взгляде её не было ничего хорошего: ни привета, ни улыбки, только холодная, выжидающая собранность.

Он невольно замедлил шаг, но не остановился. Усталость притупила осторожность, и страх, который ещё вчера заставил бы его свернуть в сторону, теперь едва шевельнулся где-то в глубине.

— Нестеров, — сказала Люда, оттолкнувшись от перил.

Голос у неё был ровный, почти ласковый, но под этой лаской Виктор расслышал натянутую струну. Она пошла ему навстречу — не торопясь, виляя тазом, и каблуки её выстукивали по асфальту чёткий, уверенный ритм.

— Соколова, — отозвался он, останавливаясь. — Решила меня у входа подкараулить?

— Подкараулить? — она приподняла бровь. — Скажешь тоже. Я ждала. Есть разница.

— Ну да. Одно — это «подкараулить», другое — то же самое, только вежливо.

Люда хмыкнула, но глаза её остались холодными.

— Нам нужно поговорить, — сказала она, останавливаясь в двух шагах. — Серьёзно.

Виктор окинул её взглядом. Она была в джинсовой куртке, накинутой поверх белой майки, в белых атласных штанах, обтягивающих бёдра, и в тех самых чёрных каблуках. Даже сейчас, после бесконечного дня, он отметил, как она хороша — той злой, опасной красотой, от которой веет не теплом, а обещанием неприятностей.

— Поговорить? — переспросил он. — Можно. Только я иду в общагу, я весь день на ногах.

— Значит, я иду с тобой.

Она не спросила. Она поставила его перед фактом и, развернувшись, направилась к дверям. Виктор вздохнул и пошёл следом, чувствуя, как с каждым шагом в груди просыпается то самое, что он испытал в день возвращения: тёмное, голодное любопытство пополам с азартом.

У дверей их остановила Изольда Павловна.

Вахтёрша выглянула из-за стекла, уже открыла рот, чтобы сказать что-то строгое — про поздний час, про посторонних, — но взгляд её упал на лицо Виктора, и она осеклась.

— Нестеров? — Она прищурилась. — Ты чего такой? Случилось что?

— Отец в больницу попал, — сказал Виктор коротко. — Я только оттуда.

Лицо Изольды Павловны изменилось. Строгость сползла с него, как вода.

— Ох ты, господи. Живой?

— Живой. Ушиб, сотрясение. До четверга даже не свя-

заться с ним. — Ну, держись. — Она покачала головой. — А это кто с тобой? — она кивнула на Люду.

— Одногруппница. — Виктор глянул на Люду. — Ей приспичило обсудить лекции. Ненадолго, Изольда Павловна. Пропустите, пожалуйста.

Вахтёрша поджала губы, переводя взгляд с Виктора на Люду и обратно. Потом махнула рукой.

— Ладно уж. Только не допоздна. И чтобы у меня без глупостей.

— Какие уж тут глупости, — буркнула Люда, проходя мимо.

Они поднялись на третий этаж. В коридоре было тихо, пахло хлоркой и чьим-то ужином. У своей комнаты Виктор остановился, прислушался — за дверью было темно и тихо. Димка, видимо, ещё не вернулся с рынка или уже ушёл куда-то.

— Заходи, — сказал он, открывая дверь.

Люда вошла первой. Виктор щёлкнул выключателем, и комната осветилась тусклым, жёлтоватым светом. Он закрыл дверь и, не снимая куртки, прошёл к столу, оперся на него и повернулся к Люде.

— Ну? — сказал он. — Говори.

Люда не спешила. Она медленно стянула с плеч джинсовку, не глядя бросила её на спинку стула и осталась стоять в белой майке, которая обтягивала грудь и мягко обрисовывала талию. Потом подошла ближе — на два шага, не больше

— и подняла на него глаза.

— Ты отлично меня подставил, — сказала она. — Я пришла в ярость. Пару дней вообще из квартиры не выходила.

— Слышал, — Виктор не отвёл взгляда. — Одногруппники говорили, ты заболела.

— Заболела. — Она усмехнулась. — Бешенством.

Он хмыкнул, но ничего не сказал. Люда сделала ещё шаг, и теперь их разделяло меньше метра. От неё пахло лавандой — тонко, но настойчиво, и этот запах, казалось, заполнил всю комнату, просачиваясь под усталость и глуша её.

— Но потом я задумалась, — продолжила она, и голос её стал тише, вкрадчивее. — Как ты вообще мог понять, что я собиралась тебя подставить, а, Нестеров? Ты же был слюняй слюняем. Сидел тише воды. А тут — раз, и уже готов. Будто знал, что я задумала.

У Виктора внутри всё напряглось. Он небрежно пожал плечом, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— А ты собиралась?

Люда прищурилась, изучая его лицо.

— Может, и собиралась, — сказала она. — А может, просто так, проверить хотела, чего ты стоишь.

— И как? — Виктор оттолкнулся от стола и сделал шаг к ней. — Проверила?

Она не отступила. Наоборот — чуть приподняла подбородок, глядя на него снизу вверх, и в глазах её мелькнуло что-то острое, жадное.

— Частично, — прошептала она.

Виктор чувствовал, как внутри поднимается то самое странное чувство голода, которое он испытал в первый день, когда поставил её на место перед всей группой. Оно было тёмным, вязким и совсем не походило на нежность. Люда стояла перед ним — оголённые плечи, обтянутая майкой грудь, чёрные каблуки, — и всё в ней сейчас, от запаха до взгляда, говорило одно: она не пришла мириться.

Он сделал ещё шаг.

— Люда, — сказал он, и голос его сел. — Я хочу закончить то, что мы тогда не успели.

Она распахнула глаза.

— Да как ты...

Он не дал ей договорить. Шагнул вперёд, прижал её к стене — не грубо, но крепко, так, что ей некуда было отступать, — и коснулся её губами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.